

ЭЛЕН
БЛИО

ЧУЖАЯ
(НЕ) ЖЕНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элен Блио
(не)Чужая жена

«Автор»

2024

Блио Э.

(не)Чужая жена / Э. Блио — «Автор», 2024

- Дочь останется со мной. Это не обсуждается. Сама уйдешь или мне тебя вышвырнуть?- Я никуда не уйду. Тут мой дом. Тут живет моя дочь и я...-
Завтра тут будет психиатр. Надеюсь, подробности диагноза тебе не надо объяснять? Остаток жизни проведешь в клинике...Предательство любимого, подлость подруги, развод. Я думала это самое страшное. Но потом появился он, бывший босс, которого я когда-то подставила. Он готов мне помочь, но цена его помощи – моя свобода...

© Блио Э., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	27
Глава 6	36
Глава 7	45
Глава 8	55
Глава 9	65
Глава 10	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Элен Блио

(не)Чужая жена

Глава 1

В которой героиня узнает много нового о муже и подруге...

– А куда мне идти?

– Что, нет вариантов?

– В смысле?

– В том смысле, что ты всегда задницей перед всеми крутила. Что, навык подрастеряла?

Я просто в шоке от неожиданных перемен в поведении мужа.

– Антош, о чем ты говоришь? Какой навык?

– Такой! Думаешь, я забыл? Как ты под моего конкурента чуть не легла?

Я смотрю в такие родные синие глаза, и мне кажется, что я просто сплю.

Сейчас наваждение закончится, и все будет как раньше.

Мой муж приедет с работы, как обычно, поздно – он бизнесмен, руководит большой компанией, дел у него много. Антон настоящий трудоголик, но я знала, за кого замуж шла.

Я накрою на стол – люблю делать это сама и готовить люблю сама. Домработница Лариса у меня не каждый день и занимается только уборкой.

Поставлю свечи в серебряных канделябрах – он предпочитает, чтобы все было красиво.

Мой муж всегда повторяет, что у него идеальный вкус. И с ним не поспоришь.

Вино охлаждается, ужин томится в духовке, десерт тоже готов – я надела новое белье, изящное белое кружево, тонкая работа, и маленький секрет, который ему обязательно понравится, когда он раскроет полы моего нового платья.

– Так, кончай мечтать. Чемоданы можешь не собирать, Лариса все сделает.

– Антон... ты бредишь? Куда мне идти?

– Меня это не волнует. Все. Задолбала. Пошла вон.

Что? Я немею. Никогда в жизни никто со мной так не разговаривал!

Как он посмел?

Поднимаю руку и с размаху бью мужа по щеке.

И тут же получаю в ответ. Он бьет меня кулаком в лицо.

Так сильно, что я отлетаю к стене. И чувствую кровь во рту...

И умираю внутренне.

Антон. Меня. Ударил.

Это шок.

Разом наваливается дикая усталость. Я раздавлена. Мне просто не хочется больше жить.

За что? Почему?

Почему все это со мной?

Я боюсь поднять глаза.

И понимаю, что никакой это не сон. Это реальность.

Жуткая, вывернутая наизнанку реальность.

И не будет никакого ужина при свечах.

Ничего не будет. Только...

Я уже готова покинуть этот дом. Не могу тут оставаться! Я боюсь его.

Но... Я не могу уйти! Здесь моя дочь, которая спит в своей комнате!

– Антон, а как же... Сашенька?

– Дочь, естественно, останется со мной. Это не обсуждается.

Что? Но почему? Кто будет заниматься дочерью, пока он на работе? И почему я вообще должна оставлять ребенка? А если он ударит и ее?

Я хочу задать все эти вопросы и не могу. Я боюсь его. Боюсь Антона.

– Ты сама уйдешь, или мне тебя вышвырнуть?

Встаю. Я как зомби. Щека горит огнем. Знаю, что завтра там будет огромный синяк. Но это не самое страшное.

Эту боль можно пережить. Но вот другую...

– Ключи от машины оставь. Карточки я твои заблокировал. Оставил одну, на ней тысяча пятьдесят. На первое время тебе хватит, на большее не рассчитывай.

С трудом перевариваю то, что он говорит.

Внезапно меня прорывает:

– Я никуда не уйду. Идти мне некуда! Тут мой дом. Тут живет моя дочь, и я...

– Завтра тут будет психиатр. Надеюсь, подробности диагноза тебе не надо объяснять?

Остаток жизни проведешь в клинике под присмотром. Хочешь так?

Я смотрю на него, и в голове одна мысль. Это не он! Не мой муж! Мой Антон другой. Он ласковый, милый, немного мягкотелый, он вечно в себе сомневается. Его всегда нужно поддерживать, и не только словом.

Мне кажется, что его подменили!

– Ты еще тут? У меня нет времени с тобой цацкаться! Мне надо уходить. У меня встреча.

– Сашенька спит... Как ты оставишь ее одну?

– Не твоя забота. Няня сейчас придет. Тебя что, за шкирку вывести?

Как сомнамбула иду в прихожую. Открываю шкаф.

Нет. Это все не по-настоящему. Это сон.

Снова захожу в комнату.

– Я... я могу хотя бы попрощаться с дочерью?

– Нет. Все. Я сказал – все! Вали!

Возвращаюсь к шкафу. Надеваю сапоги.

Протягиваю руку к привычному модному пуховичку, потом вижу шубу. Красивое манто из черной норки, которое мне подарил отец Антона. Мелькает мысль – я могу его продать! У меня хотя бы будут какие-то деньги на первое время. Всовываю руки в рукава. Еле попадаю.

Хватаю платок. Дизайнерский. Его тоже можно продать. Как и где я буду искать покупателей, в тот момент почему-то не думаю.

Сумка. Которая тоже может стать источником дохода. Там паспорт. Кошелек – наличка у меня есть всегда, но мало. Карты он заблокировал.

Пятьдесят тысяч, с одной стороны – вроде бы сумма не маленькая, но, учитывая, что мне надо где-то жить... Придется снимать квартиру, я знаю, что риелторы и хозяйка требуют оплату за два месяца, плюс комиссия – слышала разговор нянь во дворе.

Тут я вспоминаю о своей записке! У меня есть еще одна карта. Антон о ней не знает! Я завела ее специально, чтобы откладывать понемногу, а потом баловать мужа приятными подарками.

Мужа! Который вышвырнул меня из дома как котенка...

Выхожу на лестничную площадку. Вызываю лифт. Оглядываю стены. Тут все красиво, с претензией на стиль.

Нашу квартиру в элитном комплексе столицы я никогда не любила. Мне всегда хотелось иметь свой дом, с садом. И ребенку там было бы удобнее. Но Антон сказал, что ездить из пригорода на работу ему тяжело, и я смирилась.

Лифт открывается, из него выходит моя подруга Ленка.

Меня окатывает волна радости – она мне поможет! С ней я могу поделиться своим горем!
Я делаю шаг, и...

– Господи, он что, тебя раньше выгнать не мог? Слабак...

***

Я бегу по улице. Бегу до тех пор, пока хватает сил. Задыхаюсь.

В горле ком. Дико болит скула – в том месте, куда муж ударил, кружится голова и колет в боку от быстрого бега.

Я сама не знаю, почему так несусь. Словно пытаюсь убежать от боли.

Мой любимый муж выгнал меня из дома! Ударил! Отнял ребенка и угрожал, что отправит в «психушку».

И это все не понарошку! На самом деле...

Забегаю за угол, прислоняюсь к стене какого-то обшарпанного дома – да, у нас в столице так – элитное рядом с рухлядью. Сползаю, давясь слезами.

Мне больно, очень больно...

Антон! Мой любимый! Тот, кто еще вчера мне улыбался, гладил по плечу, говорил, какая я красивая...

Или это было не вчера?

Когда предают чужие, ты хотя бы можешь это понять – каждый борется за место под солнцем.

А когда свои?

Когда предает муж, для которого ты все делала! Все! Даже... даже на преступление пошла когда-то, чтобы ему помочь...

Муж, который стал твоим первым мужчиной! И так гордился, что ты хранила себя для него!

Которому ты родила ребенка. Маленькую крошечную девочку... Конечно, он хотел сына, наследника. Но ведь и я была готова родить еще, вот только Сашенька чуть подрастет!

Муж, для которого старалась быть самой лучшей, самой нежной, верной, преданной.

Которому все прощала! И невнимание порой, и сухость, и обидные слова, и придирки! И даже... даже близость интимную, которая доставляла больше горя, чем радости!

Все для него! Все ему!

Почему он со мной вот так?

Я всхлипываю, дрожу. Не от холода, нет.

От безысходности...

А Ленка? Моя Ленка! Самая близкая подруга! Единственная!

Я же ей все время помогала! Мы дружили еще со школы, потом она ушла в колледж, я за нее задачки решала, английский ей помогала подтягивать. И даже вещи свои дарила, зная, что у нее нет возможности купить!

Потом на работу ей помогала устроиться! Всегда во всем поддерживала. Хотя у Ленки такой упрямый характер!

Она легко могла обидеть меня. Ленка вообще любила придираться, критиковать, объясняла, что говорит мне правду, которую кроме нее никто не скажет. А я слушала, доверяла.

Я старалась быть настоящей, верной подругой!

Да я... я ведь ей даже парня своего в институте практически отдала, когда она, рыдая, мне сообщила, что ей он очень нравится! Просто отошла в сторону, сказав ему, что он меня не интересуется.

Выходит... Выходит, теперь я ей мужа подарила?

Это было настолько ужасно и дико, что в голове не укладывалось.

Но...

Похоже, я не знала, что такое «ужасно и дико»...

– Опа-опаньки! Кто у нас тут такой?
Поднимаю голову, и у меня разом все холодеет внутри, сосет под ложечкой.
Передо мной три силуэта. В темноте я не вижу лиц. Один из них присаживается – жуткое лицо, все в оспинах.
Мамочки.
– Опа, какая попа! Чикюля, ты шо тут забыла?
Я в панике пытаюсь встать, но не могу. Чуть не плюхаюсь на попу.
– Я просто потерялась...
– Потерялась, зая, а мы тя ща найдем. А, брателла? Поможем девушке найти себя?
Он ржет, и двое других тоже гогочут, присаживаясь рядом.
Один из них курит и выпускает струйку дыма прямо мне в лицо.
А я так перепугана, что просто впадаю в ступор.
– Слыш, чика, может, пойдем с нами, раскумаримся, а? Вставит, отвечаю!
У меня стоит дикий шум в ушах.
Я снова думаю о том, что все это происходит не со мной.
Просто НЕ СО МНОЙ!
– Шубка теплая, дай пацану погреться!
Я пытаюсь подняться, вцепившись пальцами в стену. Один из парней протягивает ко мне руку, хватая за плечо.
– Не спеши, милая. Потолкуем.
Я в ужасе стараюсь его оттолкнуть, он пихает меня так, что я подаюсь вперед, падаю грудью на другого парня, тот прихватывает меня, сминая, лапает грудь и толкает в руки третьего.
Это ужас.
Они начинают перекидывать меня друг другу, как мячик, игрушку. Трогают мерзко, грязно...
И ржут так дико, противно...
Мне очень страшно. Я понимаю, что надо что-то делать, но что? Звать на помощь? Вокруг ни души...
Я начинаю отбиваться, молочу руками, стараясь попасть по их мордам. Видимо, сначала их это забавляет, потом...
Потом один повторяет «подвиг» моего мужа.
Хорошенько мне «засвечивая» в глаз.
Господи, меня раньше никто никогда не бил! Ни разу! Родители в детстве пальцем не тронули! А тут... за один вечер я получила дважды...
Пытаюсь прикрыть лицо и получаю третий удар...
– Снимай шубу, курва! И сумку давай!
Тот первый, что заговорил со мной, сейчас с силой хватает за воротник. Я чувствую, как манто слетает с меня.
Сумку срывает второй.
Я в каком-то отупении смотрю, как они копаются в ней.
Мелькает здравая мысль. Конечно, надежды нет, но...
– Паспорт, пожалуйста, отдайте...
– Рот закрой, рамсы попутала?
Тем не менее один из них швыряет паспорт мне под ноги.
Внезапно я слышу шум – едет машина, вижу, как меж деревьев сверкают проблесковые маячки – полиция!
Я что есть мочи ору:
– Помогите! Помогите! Спасите! Грабят!

Бандиты, которые тоже видят патруль и которым явно уже не до меня, все-таки напоследок хорошенько прикладывают меня об стену.

– Заткнись, сука!

– Валим, пацаны.

Меня снова толкают, так, что я падаю прямо на грязный асфальт, сильно приложившись коленкой и бедром.

Мне так больно и так дико, что нет сил звать на помощь, я тихо лежу на тротуаре и подвываю...

Господи, меня не убили! Сейчас мне помогут!

– Эй, гражданочка?

– У... попала красавица... Она под кайфом явно. Забираем, посидит в обезьяннике, подумает о делах своих грешных...

Глава 2

Карцер? Камера? Обезьянник?

Понятия не имею, где я.

Меня привезли в отделение – или как это называется, я не знаю. Посадили в некое подобие камеры – каменные стены, куцее зарешеченное окошечко и решетка вместо двери.

Я видела такие в кино.

Точно, их называют обезьянник...

Сажу на лавке. В полной прострации.

Они ведь даже ничего не спросили! Только... паспорт отобрали!

А в паспорте...

В паспорте лежит та самая заветная карточка. Моя. Личная. О которой не знает Антон. На ней порядка двухсот тысяч. Я копила на подарок мужу, хотела удивить в день его рождения...

Что-то мне подсказывает, что карточки в паспорте уже не будет. Или будет, но без денег.

Или я не должна так плохо думать о людях в погонах?

Не знаю, как долго я так сажу.

В какой-то момент меня начинает дико трясти. От холода. От вони. От ужаса.

И очень хочется в туалет. Внизу живота все болит, сводит. Я понимаю, что помимо всех проблем, которые на меня свалились, сегодня меня ждет еще и цистит как минимум.

Приходит мысль, что неплохо бы разом покончить со всем этим кошмаром.

Просто... раз, и все.

Но тут же накатывает ярость.

У меня дочь! Я должна за нее бороться! И буду!

Начинаю лихорадочно перебирать в голове тех, кому могу позвонить. Кто готов будет помочь.

Папа... если бы был жив папа, Антон никогда не осмелился бы на подобное!

Мой папа был чиновником, параллельно занимался бизнесом, я не могла сказать, что папа был олигарх или что-то близкое к этому, в свое время он был богат или силен, занимал определенную позицию. Его уважали. К нему прислушивались.

Увы, когда папы не стало, его окружение как-то очень быстро исчезло с горизонта. Антон не раз и не два ехидно замечал, мол, вот и открылось истинное отношение. Тогда мне казалось, что Антон по-своему прав.

Из папиных друзей остался только Михаил Земцов. Но я знала, что дядя Миша сейчас в Европе.

Своих подруг я после замужества почти всех растеряла. Была только Ленка.

Ленка – лысая коленка, блин. Я представила, что сейчас наберу ей и скажу – ты там с моим мужем мой ужин дегустируешь, а я тут в обезьяннике, помоги...

Господи, почему?

Кому еще я могла позвонить? Попросить о помощи?

Соседки по подъезду, с которыми мы вместе гуляли на детской площадке – там, в основном, были няни, конечно, но с парочкой мамочек я была знакома. У них влиятельные мужья. Звонить?

Какой стыд, господи!

Как я могла до этого докатиться? Вот так вляпаться?

Давление в мочевом пузыре становится невыносимым. Еще минута – и я просто не смогу встать с этой лавки, меня скрутит спазм. Знаю – такое со мной было как-то в молодости.

Встаю. Подхожу к решетке.

Унизительно до крайности.

– Кто-нибудь! Пожалуйста! Помогите...

Я не кричу. Говорю чуть слышно. На большее нет сил.

Ответом мне лишь гулкая тишина.

Где-то капает вода. Все как в фильмах ужасов.

Но я точно не в кино.

Хотя нет, не совсем тишина – издали слышится шум беседы, кто-то смеется, ведет дружелюбный разговор. Там есть жизнь. Там нормальные люди, у которых в жизни все хорошо. А тут я.

Василиса Орлова.

Примерная, послушная дочь, которая окончила школу экстерном с золотой медалью. Выпускница факультета экономики ВШЭ.

Личный помощник депутата Московской городской думы. Позже – личный помощник руководителя крупной международной компании. Правда, в той компании случился косяк, но... Мой босс того стоил. Не надо было заниматься отмыванием денег.

В остальном я – верная жена, хорошая мать...

Стою у решетки обезьянника и прошу, чтобы меня выпустили...

Господи, за что?

– Кто-нибудь! Пожалуйста! – стараюсь сказать чуть громче, слышу, как за стеной кто-то возится. Кто там, я не могу увидеть, зато услышать могу.

– Че пицишь, шалашовка? Че те надо? Поссать? Так ори громче!

Я испуганно шарахаюсь от решетки.

Я не могу громче... это унижительно.

Вообще то, что я тут – унижительно!

Всего каких-то пару часов назад я стояла посреди роскошной спальни – Антон настаивал, чтобы кровать была огромной, обстановка у нас в квартире вообще была дико дорогой, все подбирала женщина-дизайнер, которая мое мнение, увы, не учитывала.

Я надела белье одного из самых известных эксклюзивных брендов, рассматривала себя, надеясь понравиться мужу...

Теперь я в полиции. В этом белье и... в красивом коктейльном платье, в котором собиралась провести вечер с любимым супругом. Хорошо, что не осталась в пеньюаре! Это было бы совсем жутко.

– Че заткнулась, реवेशь, что ли? – я не могла понять, кто говорит, мужчина, женщина? Скрипучий старческий голос.

– Не реву... Сил нет кричать.

– А... сил нет. А че случилось? Устала, что ли?

Молчу. Зачем я вообще ответила?

– Ты из этих, что ли? Ночная бабочка, ну кто же виноват? Че молчишь? Померла?

Я всхлипываю. Ужас. Меня ведь реально приняли за... за проститутку и наркоманку! Я слышала, о чем говорили те мужчины в патрульной машине...

– Слышь, деваха? Тебя хороводом, что ли, отымели?

Что? Мой отупевший разум не соображал, о чем говорит мой сосед или соседка.

– Ладно. Был такой китайский мыслитель. Ни Сы. Вот и ты не ссы. Решим твою проблему. Аллё, гараж! – «оно» заорало так, что у меня уши заложило! – Аллё, поумирали, что ля? Тут девчонка пи-пи хочет! Аллё! Гараж! Завтра начальству жалобу накатаю! И адвокат мой вам добавит.

У него есть адвокат? Я даже не подумала, что сосед может просто... как это говорят – прикалывается? Наверное.

Послышался шум. Кто-то направлялся к нам. Почему-то вместо того, чтобы обрадоваться, я пугаюсь.

Они ведь не сделают нам ничего плохого?

В коридоре показываются люди. Несколько человек в форме и...

И я вижу...

О господи...

Лучше бы я умерла тут молча.

Того, кто стоит сейчас по ту сторону решетки, я до сих пор вижу в кошмарных снах.

В его глазах насмешка...

А мне хочется провалиться сквозь землю.

Глава 3

Явление героя. Корсар.
Александр Корсаков.

Серьезный бизнесмен, плотно связанный с политикой.

Когда-то он был дружен с моим отцом. Потом их дороги резко разошлись.

Папа считал, что Александр его подставил. И увел из-под носа крупный тендер, на котором сильно поднялся. Отец тогда начал сдавать, у него случился первый инфаркт.

Позже именно Александр предложил мне должность его личного помощника. Я думала, папа будет против, но он сказал – иди работай. И добавил, что если я смогу удержаться у Корсакова, меня потом любая компания с руками оторвет.

Работать с ним было непросто.

Все знали, что Корсаков мега-требовательный, суровый, он не терпел ничьих слабостей. Возможно, поэтому был одинок?

Александр Николаевич постоянно менял секретарей. Но с предыдущим личным помощником работал довольно долго. До меня эту должность занимала дама лет сорока. Такая же суровая перфекционистка и трудоголик, как и Корсаков. Она неожиданно вышла замуж и забеременела. В сорок лет.

Александр вышел на меня совершенно случайно. Мы столкнулись на какой-то конференции. Сразу предложил должность. Пообещал не «жестить» сразу – это было его выражение, «не жестить». Я согласилась на эту работу только после разговора с папой. У меня были свои причины.

«Не жестил» он ровно три дня. Потом началось. Но... как ни странно, меня это не напугало. Наоборот. Завело! Мне хотелось доказать ему, что я не зря получила школьную медаль и красный диплом.

Корсаков был мной доволен. Регулярно давал премии. А однажды даже... даже попытался пригласить на свидание. Это был странный вечер.

Я до сих пор не могла понять, что именно это было. Но...

Конечно, как мужчина он мне нравился, хотя был прилично старше. Мне тогда было двадцать всего, но я уже успела окончить институт и немного поработать на депутата.

А тут Корсаков. Ему было чуть за тридцать.

Холеный, вальяжный, с бархатным взглядом. Всегда идеально одет. Причесан. Почему-то я запомнила лучистые морщинки вокруг глаз. Когда была жива мама, она любила повторять, что это лучики счастья. «Они бывают только у веселых и счастливых».

Не был Корсаков веселым. От слова совсем. Да и счастливым тоже особенно не выглядел. Для меня он был воплощением мужчины-руководителя. Строгий, без эмоций. Его отношение ко мне было предельно корректным, хотя иногда, если случались все-таки какие-то «косяки» в работе, он отчитывал строго. Но никогда не кричал.

А когда пригласил на ужин... мне даже показалось, что он... нервничает, что ли?

Глупость какая, думала я потом. Где Корсаков, и где нервы?

Но его приглашение реально было неожиданным.

***

Я так отчетливо запомнила тот день, это было почти четыре года назад...

– Василиса Викторовна, что вы делаете сегодня вечером?

– Я свободна. Если нужно закончить с документами – я могу.

– Нет. С документами не нужно. Я приглашаю вас на ужин.

– Ужин с клиентами? Вы не говорили...

– Нет, – он перебил, хотя делал это крайне редко. – Ужин не деловой. Просто... дружеский. Вы против?

Я тогда вспыхнула, недолго думая, выпалила «не против», решив, что потом буду давать оценку произошедшему. В тот момент мой мозг сломался.

Он заехал за мной ровно в восемь, ждал у подъезда – мы с папой к тому времени жили уже не в загородном доме.

Корсаков сам вел машину, привез меня в уютный ресторан. Небольшой, что приятно удивило – деловые встречи Александр Николаевич обычно проводил в пафосных местах, а я совсем не любила пафос. Чувствовала себя неловко.

В этом ресторане все было так по-домашнему! Даже то, как сам хозяин – пожилой итальянец Джеронимо – подошел поприветствовать нас и тут же наговорил мне кучу комплиментов на итальянском. Я когда-то немного учила этот язык, и ресторатор был приятно удивлен, когда я ответила ему. Удивлен был и Корсаков.

– Вы говорите по-итальянски?

– Совсем немного, как турист, не более.

– *L'Italia è bellissima. Donne italiane-bella...* – он легко засмеялся, почему-то я сразу расслабилась, и мне стало легко.

– Uomini italiani-bella, – ответила я ему, и мы оба засмеялись.

– Да, Италия – удивительная страна, хотя мне почему-то больше по душе Франция.

– Allons enfants de la Patrie, Le jour de gloire est arrive... – я спела первые строки «Марсельезы», французского гимна, чисто на автомате.

Мой босс снова засмеялся. Кажется, я впервые видела его таким.

– Французский вы тоже знаете как турист?

– Чуть лучше, чем итальянский. Учила в школе. Наша преподаватель считала, что язык запоминается лучше, если учить поговорки и стихи. Поэтому я знаю кучу французских пословиц, поговорок, песен, стихов. Но чтобы понимать французов, этого, увы, не хватает.

– Чтобы понимать французов, совсем не обязательно говорить, – сказав эту фразу, он так на меня посмотрел, что я сильно смутилась.

Он... флиртовал со мной?

Корсаков и флирт для меня были абсолютно несовместимы, я решила, что мне просто показалось.

Неформальная обстановка, он мог расслабиться.

Ведь мог же он расслабиться?

Подошел официант.

Босс подсказал мне, что следует заказать, объясняя достоинства того или иного блюда.

За ужином он начал расспрашивать, как я живу, почему до сих пор с отцом, не переехала в отдельную квартиру, есть ли у меня молодой человек. Потом разговор перешел на другие темы, стал более свободным, дружеским. Он рассказывал о своих увлечениях, оказалось, что больше всего он любит путешествовать, но в последнее время много работы, в отпуске не был давно.

– Я бы показал тебе Францию, Вася, Лазурный берег – Côte d'Azur. Ты была во Франции?

Конечно, я там была, еще с мамой, потом и сама ездила, с Ленкой – папа оплатил ей поездку.

Я даже не заметила, как он стал называть меня на «ты» и без отчества, это казалось естественным.

А когда Корсаков привез меня домой, то... мне показалось, что он хочет меня поцеловать. И я испугалась. Сама не знаю чего. Просто... его. Его напора, властности, страстности...

Он взял мою руку, поднес к губам.

– Завтра я улетаю в Шанхай на неделю, китайцы переговоры перенесли. Хотел, чтобы ты полетела со мной, но, извини, не получилось. Когда вернусь, продолжим знакомиться ближе, а? Тебе же понравилось?

Я пробормотала тогда что-то вроде «да, спасибо, обязательно, все было чудесно» и сбегала из машины как ошпаренная. Все ночь не спала.

Чувствовала его губы на ладони, думала, какая же я дура, что показала свой испуг и не дала ему себя поцеловать! Еще у меня сладко тянуло низ живота и грудь. Я была возбуждена после ужина с шефом!

И мне хотелось все это повторить.

А буквально на следующий день, когда Корсаков уехал в Китай, я познакомилась с моим Антошкой.

И... Про Корсакова больше не думала.

Да и он явно все понял, как-то услышав мой разговор с любимым.

Мы бы продолжали и дальше работать, если бы... если бы Антон не выяснил, какими делами занимается Корсар – оказывается, так моего шефа звали в узких кругах.

Отмывание денег и прочие прелести. Как я, экономист с высшим образованием, могла все это пропустить? Не знаю. Антон попросил помочь, ему нужны были документы. Данные по последнему тендеру.

Я их скопировала и отправила.

И вылетела с работы как пробка из бутылки.

Неприятно было вспоминать тот последний разговор с Александром, но...

Мне уже было плевать. Мы с Антоном отметили сначала помолвку, потом сыграли свадьбу, и я очень быстро забеременела.

И забыла о Корсакове.

И вот теперь мой бывший шеф стоит в коридоре полицейского участка – или отделения, – и смотрит на меня.

Избитую, грязную, со сведенными от дикого желания сходить в туалет бедрами.

– Какая приятная встреча. Наконец-то ты попала туда, где тебе самое место!

Глава 4

В которой мы знакомимся с Богиней, и не только...
И тут меня словно прорывает! Я начинаю плакать.

Нет. Не плакать! Реветь белугой!

Как Сашка, дочка моя ревет.

Странно при всей ненависти к Александру Корсакову назвать дочь Александрой, да? Но Шурой звали мою любимую бабушку! Так что... Я не думала о нем, когда давала имя своей дочери!

Я вытираю слезы руками, не замечая, что на них грязь, и вся эта грязь остается на моем лице, всхлипываю, чувствуя, что вот-вот мое состояние станет еще более плачевным. Просто по ногам потечет.

Господи, за что ты меня так наказываешь? За что?

– Вы че над девкой глумитесь? Совсем опиздомели, твари легавые? Ее, бедную, мало что хором выебли, так вы еще ей пописать не даете! Я завтра, суки, в ООН напишу! И в Гагский суд! Я вас всех натяну!

– Закройся, Богиня! Еще раз услышу...

– Выпустите Орлову, немедленно, – голос Корсакова словно пускает ток по венам. Глубокий бархатный низкий баритон с хрипотцой. Почти бас.

Подобострастный сотрудник органов подскакивает, начинает греметь ключами, потом хватает меня за локоть и выволакивает в коридор.

– Нежнее, товарищ капитан, мы же не хотим, чтобы эта ваша... Богиня, написала в ООН, правда? – я неожиданно для себя вижу лучики счастья вокруг его глаз.

Он смотрит на меня... с теплотой, что ли? Или просто издевается?

Мне хочется умереть. В который раз за вечер.

– Ты, деваха, не говори им ничего! Пописай, а потом требуй адвоката! Это не тебя сюда сажать должны, а тех, кто тебя оприходовал.

Я не могу двинуться с места, кажется, я сделаю шаг и... опозорюсь. Меня колотит противная мелкая дрожь.

Корсаков сурово смотрит на сотрудников полиции, стоящих в коридоре.

– Откуда информация о том, что девушку изнасиловали? – буквально рычит он.

– Да это... хм... Александр Николаевич, это Богиня сочиняет. Никто ее не насиловал... наверное...

– Василиса? – он поворачивается ко мне, стрельнув масляным взглядом, делает шаг, я вдыхаю аромат его одеколона, и меня ведет. Я понимаю, что теряю сознание.

Краем глаза я успеваю увидеть ту, которую полицейский называл Богиней.

Она реально выглядит как божество. Помоечное божество. Рыжие кудри обрамляют одутловатое, спитое, синюшное лицо. Губы вывернуты как пельмени, накрашены ярко-красной помадой. Веки густо замазаны синим. Свои брови выщипаны и нарисованы прямые, черные.

Сразу ясно, что Богиня – алкоголичка со стажем.

Хотя одета она странно для алкашки – ярко-алое пальто, правда, очень потрепанное, в каких-то диких заплатках, перчатки с обрезанными пальцами. На голове у нее водружена шляпка с вуалеткой! Да-да! Бордовая шляпка с черной вуалеткой! Конечно, тоже совсем не новая. А на ногах – лаковые сапоги на какой-то чудовищной платформе. Классическая бабка-фрик!

Богиня...

Почему-то подумалось перед тем, как провалиться в забытье – я ведь тоже могу скатиться вот до такого состояния.

Мне казалось, я упаду на пол. Но я падаю прямо в объятия главы холдинга «АК-Корпорэйшн».

***

Словно сквозь вату до меня доносится:

– Мать вашу за ногу, где у вас тут?... Только нормальное помещение покажите, для сотрудников, а не для...

Он кажется мне большим. Очень большим. И очень теплым. Нет, не кажется, он такой и есть!

И руки у него такие... крепкие. Я, наверное, совсем ничего не соображаю, потому что чувствую, как сжимаю его бицепс, провожу ладонью.

Мне очень нравится. И вообще – хорошо бы остаться тут навсегда.

Я помню, что у Антона руки гораздо слабее. И сам Антон меньше. Хотя мне всегда нравилось, что мой муж именно такой, среднего роста, фигура стандартная – не Аполлон, и ладно. Зато весь мой. Был.

А Корсар очень высокий, с ним можно надеть шпильку хоть пятнадцать сантиметров, и все равно будешь ему по плечо! Это мы проходили.

Если бы он не был таким гадом и мошенником...

Господи, о чем я только думаю? Идиотка. Глупая гусыня...

А он тем временем тащит меня по коридору. Куда?

Он словно отвечает на мой невысказанный вопрос.

– Сейчас, малышка, все будет хорошо. Обещаю, найду тварей, которые посмели к тебе прикоснуться. Землю жрать будут.

Наверное, Корсар полагает, что я без сознания, но я все-таки все понимаю и слышу.

Только очень сильно кружится голова и живот болит.

Открывается какая-то дверь. В глаза лупит яркий свет.

– Твою ж мать-то... Это сортир в отделении или долбаный Лас-Вегас?

Я усмехаюсь – лексикон у него чуть попрличней, чем у тех гопников, которые сняли с меня шубу.

– Вася, ты как? Василиса Викторовна? Стоять можешь?

Я могу. Наверное.

Он открывает еще одну дверь. Я наконец-то вижу вожделенное сантехническое чудо.

Корсаков рычит.

– Хорошо хоть не золотой. Помочь?

Я поднимаю на него глаза.

Он смотрит так... Словно размышляя, пристукнуть меня тут втихаря или... или поцеловать.

Господи, я реально так думаю?

Сглатываю, опускаю голову – он вечно читал все на моем лице. Если и сейчас прочтает, будет очень и очень стыдно.

– Пожалуйста... уйдите... – все, что могу выдавить из себя, стараясь на него не смотреть. Но краем глаза вижу – усмехнулся. Нет. Скорее, улыбнулся, одними кончиками губ. По-доброму.

Корсаков? Мне? По-доброму?

Наверное, мое состояние измененной реальности где-то сбоило.

Потому что он не мог со мной по-доброму. Не после того, что я сделала.

Или...

Господи, он что, реально думает, что меня изнасиловали, и просто жалеет?

Я всхлипываю, потому что все еще хуже, чем я думала.

Просто жесть – это выражение мой бывший шеф очень любил.

Когда узнал о моем предательстве – ну, это он считал мой поступок предательством, а я считала, что поступаю справедливо! – так вот, тогда первое, что он сказал, было именно это.

«Просто жесть, Вася»...

– Извини, удаляюсь. Если понадобится помощь – стучи, кричи... Не бойся, я сам помогать не полезу, но тут в отделении работают женщины.

Просто уйди!

Видимо, эта мысль исказила мою фигуру, потому что он ее понял.

– Прости, исчезаю.

И он исчез...

***

Господи, какое счастье!

Я сижу на фаянсовом красавчике цвета кофе с молоком и ловлю кайф.

Да. Иногда счастье в том, чтобы любимый муж приходил с работы, обнимал, говорил слова любви, а не вот это вот все.

Иногда счастье в том, чтобы просто вовремя зайти в уборную.

Низ живота по-прежнему дико болит. Только бы не заработать реально воспаление! Не хватало еще...

Я закрываю глаза. Как же дико мне хочется спать! И – внезапно – поесть! Ну да, я же так и не поужинала!

Интересно узнать, который час?

Телефон мой остался в сумке. Прощай мой милый андроид.

Часы я почему-то давно перестала носить, хотя у меня были красивые, с золотым браслетиком, папа подарил.

Антон, правда, говорил, что это уже не в тренде носить такие часы. Все грозился подарить какие-то новомодные. Смарт.

Так и не подарил.

Господи, что же мне делать?

Внезапно накатывает понимание.

Резко.

Я осталась без дома, без семьи, без работы! И что мне теперь делать? Как я буду жить?

Стоп. Нет, извините! Как я буду жить, меня, в принципе, не пугает. Работу с моим образованием найти не проблема. Я знаю многих руководителей, которые пытались переманить меня от Корсакова.

Да, конечно, после того, как я слила его документацию, репутация у меня подмочена, но не настолько, чтобы не найти какую-нибудь работу! Потом есть те, которые были даже рады, когда я Корсакова так... как там выразался Антон? «Нагнула»? «Опустила»?

Фу, было в этом что-то... очень некрасивое.

Я его наказала! За то, что... За то, что наживался на людях. Вот!

Ладно, если с работой, допустим, проблем не будет, то что с остальным?

Антон вообще за кого меня считает?

Ясно, что у меня был культурный шок и не смогла ему противостоять.

Но он ведь не имел права меня выгонять? Квартира у нас куплена в браке, совместная собственность. Машины тоже. Коттедж он начал строить тоже после свадьбы – лето, престиж, все такое...

Меня все это мало волновало. Меня волновала наша дочь!

Ее я должна забрать! Я мать, в конце концов! И хорошая мать! А он...

Нет, Антон, конечно, любил Сашульку, но времени с ней проводил очень мало. Ни разу не гулял, даже если я по каким-то причинам не могла пойти. Ни разу не был с ней в парке или в игровых комнатах. Он и на море предлагал поехать без Сашули! А когда я стала настаивать, пригрозил, что вообще поедет один.

И поехал.

Тогда мне казалось это справедливым. Он много работал, ему надо отдохнуть.

Как будто я дома мало работала! Двадцать четыре часа с ребенком!

Он и няню-то мне предложил всего месяц назад!

И тут до меня дошло – а что, если он предложил взять для меня помощницу, потому что знал, что избавится от меня? Заранее все просчитал?

Нет, я, наверное, просто схожу с ума...

Господи...

Раздается деликатный стук.

Деликатный?

– Василиса... Ты там жива?

***

Я прочищаю горло, но ответить не в состоянии.

Блин... это же все равно, что занято кричать. Какой стыд.

– Василиса, я жду еще три минуты, потом зайду.

Он зайдет. Я прекрасно это знаю.

Хорошо, что тут есть раковина и зеркало.

Ой нет. Плохо. Очень плохо.

Смотрю на себя и понимаю, что я сейчас, как сестренка той Богини из обезьянника, только чуть помладше. Или... как дочка.

Лицо все опухшее. Под одним глазом фингал, под другим – скула почти фиолетовая. Нос распух от слез, губы обкусаны. Все лицо в потекшей косметике и грязи.

И Корсаков видел меня такую красивую!

Господи, помоги мне!

Мамочки мои...

А, собственно, что такого?

После того, что он в принципе видел меня тут, в отделении полиции, в обезьяннике...

Уверена, моё разукрашенное грязное лицо – это последнее, на что он обратил внимание...

Беру мыло, намыливаю сначала руки, смываю грязь, потом начинаю аккуратно тереть щеки. Больно. Но делать нечего. Не могу же я выйти к нему такой раскрасавицей?

И, собственно, почему именно к нему? Вообще выйти к людям с таким лицом, это...

Дверь открывается.

Как? Мне казалось, я закрыла?

Это уже неважно.

Бывший босс стоит в проеме, опираясь на дверной косяк. Смотрит на меня в зеркало.

Утешаю себя тем, что выгляжу чуть попрличнее. Смываю грязь и косметику.

– Как ты?

Странно.

Мне казалось, что когда я на него работала, он все время говорил мне «вы» и называл по имени отчеству. Только один раз перешел на «ты», тогда, в ресторане, когда мы обсуждали итальянский язык и французский Лазурный берег.

Потом все вернулось на круги своя – Василиса Викторовна и «вы».

Нет, вру... Когда он выгонял меня с работы с «волчьим билетом» – обещая, что меня больше ни одна приличная контора не возьмет, он тоже сказал мне «ты».

Но об этом лучше не вспоминать.

Почему же сейчас он снова мне «тыкал»?

Господи, Василиса Викторовна! Ответ прост! Тогда ты была девушкой из приличной семьи с высшим образованием и красным дипломом! А сейчас ты клиентка обезьянника, которую нашли на улице в непотребном виде.

Поэтому он тебе и «тыкает»!

– Вася... Ну, простите, Василиса Викторовна, – ухмыляется, а я опускаю голову, потому что дико краснею. – Ты... вы в порядке.

– Я в порядке и... можно на «ты».

– Разрешаешь?

Господи, почему он говорит таким голосом? Таким, словно мы с ним если не уже в постели, то вот-вот туда отправимся?

Я не собираюсь ложиться с ним в постель! И уверена, он тоже не готов со мной спать! Особенно с такой мной – мелкой копией Богини, сидящей в камере.

– Ладно. Я понял. С тобой сегодня лучше не шутить.

Это он в точку попал. Так-то я вообще всегда была открыта для шуток.

Кстати, даже когда я работала на него и он был мега-важным, мега-сложным, мега-требовательным боссом, мы все равно иногда подшучивали друг над другом, посмеивались, сначала чаще он надо мной, но потом и я поняла правила игры.

Вообще, сейчас только я осознаю, что с ним было весело и круто работать!

– Василиса, сейчас мы поедem в клинику...

– Зачем? – перебиваю я, потому что вот это меня уже пугает. Не то чтобы я боялась врачей... Но...

– Послушай. Нужно, чтобы тебя осмотрел хороший доктор, профессионал. Ты свое личико видела?

Опускаю голову, понимая, что сразу же дико краснею.

Конечно видела! И не хочу никому показывать!

– У тебя могут быть скрытые травмы. Например, сотрясение мозга. Ты должна рассказать, кто тебя бил и как.

Очень приятно рассказывать о таком! Конечно! Не хочу и не буду!

– Надо, Вася, надо! Преступников поймают. Если уже не поймали. И... В общем, я хочу, чтобы они сели. Желательно надолго. Думаю, и ты этого хочешь, да?

В его взгляде было что-то такое... ну, словно ему было больно. Больно смотреть на меня. Или больно осознавать, что со мной сделали. Что меня касались чужие грязные руки. И не только руки...

Господи! Он что, реально думает, что меня насильовали? И... как это? Как говорила Богиня? Хором? Хороводом? Интересно, это как?

– Вася? Что?

– Я... я хотела сказать... Я... в общем. Они меня...

– Ты не должна рассказывать мне. Если не хочешь. Я...

– Я... должна, я...

И тут происходит невероятное!

Корсар делает шаг и... обнимает меня!

Я в шоке.

Прижимает мою голову к своей груди. Баюкает, как ребенка!

Это... это нормально вообще?

Глава 5

В котором герои целуются. Во сне.

– Вася, черт... я... я, бл... извини... Я... никогда себе этого не прощу! Господи, малышка...

Это точно сон!

Я во сне.

Все в порядке. Сейчас проснусь – и снова я дома. Жду Антона. Сашулька спит в своей комнате...

Это не может не быть сном!

Потому что Корсар не может вот так вот меня обнимать и вот так со мной разговаривать!

Я его фирму подставила на хорошие бабки! Он тендер потерял, как он сам говорил, «лямов» на пятьдесят как минимум!

Я с ним тоже стала так называть миллионы – «лямы». Он меня приучил.

– Вы, Василиса, пока свой «миллион» выговорите, на биржах котировки десять раз поменяются! Упрощайте лексикон! Вам тут не институт благородных девиц!

И я упрощала.

А потом взяла и лишила его этих «лямов».

И это еще не все! Престиж фирмы! Гораздо важнее денег.

Этому меня еще папа учил.

«Деньги можно заработать, а вот репутацию! Ее заслуживают годами! Десятилетиями!»!

Кстати, как ни странно, когда отец узнал о том, что я сделала – не сразу, уже, наверное, больше полугода прошло, я уже за Антона вышла. Папа тогда от дел отошел, я ему не рассказывала. А вот Антон взял и выложил.

Папа сильно меня ругал. Даже... не разговаривал со мной какое-то время.

Потом уже, когда ему совсем стало плохо, мы помирились. К счастью.

В общем, Корсару я сильно кровь попортила, так что...

То, что он меня обнимает и гладит по голове, означает одно – это сон!

Поэтому я закрываю глаза и позволяю сладкому сну полностью меня захватить.

Сон реально сладкий!

Господи, как же хорошо он пахнет!

Ну то есть не сон, а... Корсар...

У меня даже стон вырывается от блаженного аромата!

– Ты что? Я сделал тебе больно?

– Ты так приятно пахнешь, с ума сойти!

Я это сказала? На самом деле?

Господи, я с ума сошла!

Но я сплю, и во сне можно все!

Наверное, можно даже его поцеловать! Или нет? Не знаю! Пока я им просто подышу.

– Глупенькая... Господи, как же я мог упустить...

Я не понимаю, о чем он говорит. Этот нелепый персонаж моего сна.

Нелепый, но очень красивый.

В моем сне Корсаков был реально еще красивее, чем в жизни.

У него были такие широкие плечи! Приятно было их трогать. И грудная клетка. Крепкая, сильная. Не то что у Антошки... Хотя мой Антошка тоже был хорош. Вернее, он есть. Сейчас я проснусь, и он будет. Но пока я во власти Морфея, можно же еще помечтать?

Я обнимаю его.

Господи, я обнимаюсь с Корсаковым? Пусть даже и во сне, но...

Ладно. Это приятно. Очень.

И... почему бы не воспользоваться сном? Я... мне еще тогда хотелось узнать, каково целовать такого мужчину?

Нет, я... я любила и люблю только мужа, Антон прекрасный человек, замечательный мужчина. Ведь изменил он мне во сне, правда?

И я сплю. Значит, поцелуй во сне тоже не будет считаться изменой!

Совсем.

Поэтому я улыбаюсь и тянусь к нему губами...

***

Поцелуй во сне! Это ведь будет приятно?

Узнать о том, что значит целоваться с таким мужчиной, как Корсаков, я хотела... да чуть ли не с юности!

Когда он первый раз пришел к нам в дом, мне было лет семнадцать.

Совсем наивная девочка, хотя я уже два года училась в институте. Я в школу пошла рано, два раза перескакивала через класс, в пятнадцать уже студенткой была.

Корсакову было около тридцати, может, чуть меньше. Для меня почти что старик!

Так всегда бывает: для тех, кому семнадцать-восемнадцать, все, кто старше двадцати пяти, уже практически на пороге пенсии!

Такой вот юношеский шовинизм.

Я реально думала, что Александру столько же лет, сколько моему папе!

Но... он мне понравился. Просто как... как типаж.

Еще подумала: если таким будет мой будущий муж, я не против. Ну... таким же, только помоложе.

Потом я какое-то время стажировалась на фирме отца. Без отрыва от учебы. Корсаков часто приезжал в офис. Пару раз просил меня сделать ему кофе. А я – наглая! – с довольным видом сообщала, что я не секретарь, а помощник экономиста. И кофе я не варю.

А потом думала – дурында, почему не угостила такого мужчину кофе?

О нем в офисе ходили легенды. Плейбой. Самый завидный холостяк. Мечта всех невест столицы.

О его личной жизни у папы в офисе очень любили судачить.

Периодически ходили слухи, что он женится то на известной актрисе, то на модели, то на какой-нибудь блогерше. Корсаков часто появлялся на мероприятиях с красивыми дамами.

Но не женился.

Однажды я подслушала разговор наших офисных кумушек...

– Такому мужчине я бы дала не глядя!

– Угу. Догнала бы и еще раз дала!

– Ты руки его видела?

– Да что руки! Мне кажется, у него все время стоит, когда он приезжает сюда!

– Ты тоже заметила, да? Интересно, на кого?

– Вообще, детка, вообще! Просто такой темперамент. Тестостерон прет!

– Да уж.

– Я общалась с одной его бывшей... ну, секретаршей. Они переспали. Так вот, она говорила, что он просто бог секса! Одни поцелуи чего стоят!

– Да уж, с такими губами целоваться он наверняка умеет!

Я не очень понимала, при чем тут губы, и какие они именно. Слушала дальше.

– Эта верхняя губа, как лук изогнутая! Ох... верный признак!

– Да у него все верные признаки! Поверь!

– Скоро корпоратив, я слышала, что наш Виктор, – это был мой папа, – пригласил и Корсара.

– Господи, надо сесть на диету и купить то платье из новой коллекции.

– Лучше потратиться на белье. Платье он не заметит, а вот бюстик от «La Perla» не пропустит!

– Это точно! Я слышала, у него «пунктик». Он собирает в коллекцию белье своих бывших, которое с них срывает...

Мне показалось, что они шутят. Зачем коллекционировать чье-то неновое белье?

Я бы слушала и дальше. Но меня спугнул в тот раз предмет обсуждений – Корсаков вошел в офис своей походкой льва, охраняющего прайд.

Я в деталях помнила тот разговор. Много лет.

И вот сейчас я стою, обнимаю этого самца, и могу узнать, что такое поцелуй губ самого Корсакова! Изогнутых, как лук.

Я поднимаю лицо, изображая улыбку профессиональной гейши. Совершенно забыв о синяках и ушибах. Приоткрываю рот.

Он должен понять.

И он понимает! Бинго!

Опускает голову, потом... смотрит лукаво – во сне он такой душка! Просто зайчик!

– Ты уверена, Вася?

– М-м-м... – вместо ответа я томно стону. Скорее мычу, конечно, но это неважно.

Он накрывает мои губы своими.

Блаженство.

Я тону в нем.

Интересно, а как далеко можно зайти во сне?

***

Мне никогда не было так хорошо! Это как... Первый приз в конкурсе лучших поцелуев!

У него мягкие губы. Но требовательные. И сладкие. Приятные. Их так вкусно целовать.

Я набираюсь смелости и ввожу язык в его рот, и буквально тону в ощущениях!

И не понимаю, что со мной происходит!

Внизу живота так горячо! Там просто кипятик! И сводит. Крутит, но уже не от боли, а от...

От возбуждения!

Мамочки мои...

Я так дико возбудилась от одного поцелуя?

Чувствую, как то самое место становится влажным, и трусики – мои шикарные белые кружевные трусики от элитного бренда – мокрые!

Какой чувственный эротический сон! Кто бы мог подумать, что в таком сне мне приснится не Бред Питт, не Том Харди или Джейсон Момоа!

Корсар! Мой Корсар!

Кажется, я говорю это вслух! Выдыхаю прямо в его рот. И смеюсь, глупо, как дурочка.

– Ты что, еще и под кайфом, верно?

О да! Я под кайфом! Под кайфом от поцелуя с моим Корсаром!

Я ведь была влюблена в него тогда! Правда-правда!

Ох, я ведь даже самой себе в этом не признавалась!

Ну... даже не вспомню, когда это началось. Может, и в самый первый день, когда увидела его выходящим из кабинета отца?

Шикарный мужчина, высокий, в костюме, такой элегантный, как с обложки журнала!

А может, это случилось на вечеринке, которую папа устроил в нашем загородном доме? Ну, когда у нас еще был загородный дом...

Корсаков тогда приехал один, и жёны папиных друзей наперебой с ним флиртовали.

А он подошел ко мне и сказал, что ему придется весь вечер изображать пылко влюбленного в меня безнадежного старичка, чтобы дамочки отстали.

Ему было всего тридцать! А мне восемнадцать! Пылкий старик! Я тогда очень сильно смеялась, хотя мне он реально казался взрослым, и я его стеснялась.

Особенно когда он пригласил меня на танец и прижимал нежно, почти как сейчас.

Потом он еще сказал папе, что, возможно, скоро пришлет сватов.

Не прислал.

А потом... Потом компания Корсакова увела у папы тендер, и, собственно, на этом по сути папин бизнес и закончился. Он получил инфаркт и уже не смог вернуться в обойму.

А Корсар... Корсар искренне посчитал, что я его тогда подставила, чтобы за отца отомстить!

Ну... отчасти. Наверное. Да. И это тоже сыграло роль!

Мы с папой были очень близки, еще до маминой смерти, а уж после... У меня в жизни никого не было, кроме папы!

Странно, что папа не оценил то, что я так поступила с Корсаковым.

Ну...

Нет, ладно, я не буду вспоминать о плохом в таком хорошем сне!

Я продолжаю упиваться поцелуем, чувствуя, как что-то очень большое и твердое давит на живот. Не думаю, что у него в кармане пистолет, значит, это...

О да! Мой Корсар так же возбужден, как и я!

Ну, неудивительно! Это же МОЙ сон! И я ХОЧУ, чтобы он был возбужден!

Мой язык кружит у него во рту, сплетается с его языком, они играют друг с другом. Это так приятно и романтично! Словно наши языки разговаривают на одном языке! Ах-ах!

И снова я слышу стон – это мой стон! И его стон! Он тоже стонет!

Я плыву по течению, отдаваясь сну!

Я бы уже и отдалась Корсару, если бы он попросил! И даже если бы не просил, а начал брать меня грубо и дерзко!

Я хочу этого! Начинаю тереться о его тело, просто потому что жар, меня переполняющий, ищет выхода!

Ну же, Александр Николаевич! Будьте смелее, вы же мужчина!

Неожиданно в мой вкусный сон врывается какой-то звук.

Будильник! Ну конечно! Как всегда, на самом интересном месте! Только я собралась предаться преступной страсти, и тут...

***

Я теряю его губы...

Эх... почему-то во сне мне очень обидно.

А потом я понимаю, что нас прерывает вовсе не будильник.

По крайней мере, я все еще в объятиях Корсакова. Значит, не проснулась.

Это звонит телефон.

Александр разочарованно вздыхает и отвечает.

– Алло? Да! Спасибо большое. Да, мы выезжаем. Будем минут через десять. Подготовьте все, пожалуйста.

Он такой вежливый!

Интересно только, куда мы выезжаем?

О! Тут до меня внезапно доходит! Он наверняка снял отель! Какой-нибудь «Гранд чего-то там»... или «Редиссон»...

Понятия не имею, как называются такие гостиницы – в которые привозят своих...

Ой, нет, кого привозят? Эскортниц? Любовниц? Я же не такая! И меня повезут явно домой! Ни в какую не в гостиницу!

И я поеду! С этим Корсаром из сна хоть на край света!

Потому что во сне он милый и славный!

И еще очень теплый! И сильный!

Я снова прижимаюсь к нему.

Мне так хорошо! Я чувствую себя в его объятиях как дома!

Эх... главное, утром не проговориться Антону! Не рассказывать, кого я видела во сне и... что делала!

Антоша у меня такой ревнивый! Да, первое время очень сильно ревновал! Причем именно к Корсакову!

Переживал, что я не устою перед чарами своего босса! Особенно нервничал, когда я рассказала ему про наш с Александром Николаевичем поход в итальянский ресторан!

Как Антон тогда разозлился! Называл Корсара всякими нехорошими словами. Очень нехорошими, которые я произнести не смогу, даже если захочу. Повторял, что босс не имеет права пользоваться служебным положением, приглашать молодую, неопытную и невинную девушку в рестораны. И вообще, это пахнет харрасментом – нарушением моих личных интимных границ.

Я, честно сказать, так не считала. В поведении Корсакова не было ничего такого, что вызывало бы у меня неприятие, страх, отвращение.

Он был, в общем-то, очень хорошим.

Я искренне так думала, пока Антон не напомнил, что сделал Корсар с моим папой. И пока не рассказал о том, что компания Корсакова творит всякие грязные дела.

– Думаешь, он законно выигрывает тендеры? Знаешь, какие там откаты? В итоге сливает работу мелким фирмам, пилит и отмывает кучу бабла! А люди потом живут в домах, построенных не по ГОСТам, и ездят по дорогам, на которых асфальт через месяц весь в ямах и колдобинах!

Я была согласна с Антоном.

Вспоминаю об этом и...

Быстро прихожу в себя. Во сне!

Да-да, это во сне Корсар может притворяться теплым и добрым! А в реале он монстр без сердца, который растоптал мою семью! Уничтожил отца!

Даже тот загородный дом, в котором мы с ним когда-то танцевали, пришлось продать за долги...

Папа пригрел змею на груди! А сейчас я пригреваю...

Тьфу!

Я резко отталкиваю Корсакова, но получается только чуть отстраниться. Я слабая, совсем как котенок!

А он...

– Пусти меня!

– Что, не понравилось целоваться?

– Надоело! Пусти! Сгинь! Я тебя не заказывала!

– Что? В смысле?

Вижу в его глазах непонимание! Ну конечно! Какому герою сна хочется, чтобы его прогоняли! Это ведь означает, что он исчезнет! Растворится, перестанет существовать!

Рассеется как дым! Пшик – и все!

Я улыбаюсь, представляя тающего Корсакова.

Только бывший босс почему-то не тает. Просто выпускает меня из объятий, и мне сразу становится неуютно и холодно.

Стою, привалившись к стене и думая, что будильник почему-то звонить перестал. Видимо, на самом деле пора просыпаться!

Глава 6

Вася понимает, что сон – это не сон.

– Антош, представляешь, мне такой дикий сон приснился. Жуть! Сначала ты меня ударил и из дома выгнал! Потом меня какие-то бандиты ограбили, то есть не бандиты, гопники, да, точно! Их так называют – гопники! Они манто сняли и сумку украли. Еще и ударили! Ужас, да? А потом меня еще и в полицию забрали! Представляешь? Я думала, мне полицейские помогут, а они... Паспорт отобрали, сказали – посиди, очухайся. Я и сидела в обезьяннике и так хотела в туалет, прямо умирала! А рядом Богиня...

– Кто? Какая Богиня?

– Это прозвище такое, кличка, ее так полицейский назвал, ну... алкашка какая-то, или бомжиха, но она мне помогла! Позвала их, и они пришли.

– Кто они?

– Господи, что ты такой непонятливы! Они – сотрудники полиции. А с ними – представляешь кто? Корсар!

– Какой еще Корсар?

– Ну ты что, забыл? Не прикидывайся! Корсар! Ну то есть Корсаков! Александр Николаевич, у которого я работала. Ты меня еще к нему дико ревновал, помнишь? Он мне помог, заставил их меня из камеры выпустить, потом потащил в туалет, на руках, представляешь? А потом...

О нет! О том, что было потом, мужу лучше не рассказывать! Мужья такие сны очень не любят! Вообще мужья не любят, когда их жен кто-то посторонний целует, даже во сне!

А мой Антон ревнивый!

Я тихонько смеюсь, представляя, как буду рассказывать моему любимому свой сон, когда проснусь и пойду готовить ему завтрак!

Он будет с аппетитом уплетать любимый омлет с беконом и, конечно, немножко тупить – ну, он всегда с утра не совсем адекватный.

Как он сам говорит – ему надо время, чтобы проснуться. И много-много кофе.

Я раньше варила ему кофе сама, а потом он купил какую-то навороченную кофемашину, сказал, что мой кофе невкусный, а вот кофемашинка варит классно. Ну что ж... Конечно, кофемашинка лучше. Я не спорила. И потом, мне же проще? Зерна насыпала, молоко проверила, воду, кнопку нажала – вуаля, утренний капучино или латте готов!

Любимый будет пить кофе, а я его развлеку рассказом о своем сне!

В предвкушении, что он будет меня ревновать.

Это же Корсар! Корсаков!

Тот Корсаков, у которого я украла документы для Антона. И который – это я потом узнала – грозился меня даже посадить, причем на приличный срок! Но Антон и его отец Илья Аскольдович меня поддержали и помогли.

Я снова слышу будильник, открываю глаза и...

Опять вижу уже знакомые стены, дешевую плитку цвета кофе с молоком.

И глаза цвета коньяка.

Корсар.

– Ты еще здесь? Я же тебя пф-ф...

– Ты что-то пила? Курила?

Господи, он вообще о чем?

Смотрю на него, как на... ну, не совсем здорового.

– Я? Я вообще не курю! Вы с ума сошли! – машу перед его носом указательным пальцем. – Убирайтесь из моего сна! Я вас ненавижу!

– Твою ж мать... ладно, поехали скорее!

Я не хочу никуда с ним ехать, но меня опять накрывает, резкая боль сдавливает виски, в глазах темнеет, и я проваливаюсь в небытие.

Сон перестаёт мне нравиться.

Открываю глаза от резкого толчка.

Сажу в машине.

Вернее, лежу.

На груди у бывшего шефа.

– Ой... простите...

Откуда он здесь? Что происходит?

– Василиса, ответь, пожалуйста, ты что-то пила? Курила?

Почему он интересуется? Что вообще происходит? Почему я еду с ним в машине?

И тут меня накрывает.

Антон. Его пощечина. Ленка у дверей лифта. Парень-бандит на улице, выпускающий в меня струйку папиросного дыма. Патрульная машина, полицейские, отбирающие у меня паспорт и сажающие в камеру. Обезьянник. Богиня в алом пальто. Корсар.

Корсар...

Мамочки...

Все это не сон. Все это со мной!

И я хочу умереть...

Я снова реву, уткнувшись в грудь бывшего начальника, и где-то на самой окраине моего разума отпечатывается аромат его тела, потому что рубашка расстегнута, и я...

Господи, я прижимаюсь к смуглой коже! И... у меня просто нет сил оторваться. И нет сил посмотреть ему в глаза! Потому что я помню, как мы целовались. Очень... страстно.

И понимаю, что это был никакой не сон! Совсем не сон.

Реальность.

Я поцеловала Александра Николаевича Корсакова, владельца компании «АК- Корпорэйшн», моего бывшего начальника. Не во сне. Наяву.

Господи, какой ужас!

Или... не совсем ужас?

Он ведь был не против?

Боже, о чем я думаю? Что со мной?

Снова чувствую резкую боль – виски давит. Ломит голову. И накатывает слабость. Кажется, у меня давление упало. Такое со мной бывает, редко, но бывает...

Всхлипываю, стараясь чуть повернуть голову, чтобы все-таки не упираться в его... в его голую грудь.

Зачем он галстук снял? Он ведь всегда ходит только в костюме, обязательно с галстуком. И рубашка всегда застегнута на все пуговицы. А тут...

Почему мне так «везет»? Стараюсь немного отстраниться, снова носом шмыгаю, стыдно как – теперь его рубашка еще и мокрая от моих слез! Хорошо хоть тушь с глаз удалось смыть, а то еще бы черные разводы на рубашке оставила!

– Тише, маленькая, все хорошо. Сейчас приедем в клинику... Серега, ты можешь ехать быстрее, а? У меня тут Армагеддон...

Это я Армагеддон? Почему?

– Александр Николаевич, всемирный потоп, скорее. Армагеддон – это другое!

– Ты поучи жену щи варить! Мы десять минут назад должны были быть в клинике?

– Я ж не виноват, что тут какой-то козел к своему парню на свиданку спешил! Влетел в столб, тачила всмятку, мозги его по асфальту, ну и пробка...

– Что, мозги собирают, что ли?

– Видимо! А вообще, я всегда говорю: тише едешь – больше заработаешь, да?

И он резко давит на газ, машина несется вперед, а я вжимаюсь в грудь Корсара, которого целовала совсем не во сне.

Это просто ужас.

– Вася, ну-ну, успокойся, сейчас доктор посмотрит, и все будет хорошо!

Доктор? Какой еще доктор?

Чувствую, что мне становится совсем нехорошо!

Не хочу никаких докторов! Точно!

Мне нужно... мне нужно сбежать! Только как?

Машина останавливается. Светофор. А что если сейчас рвануть и...

***

Да уж, рвануть! Куда рвануть? Без документов, без денег, ночью, в платье, которое до сих пор все в грязи!

Я, наверное, реально похожа на Армагеддон!

А Корсаков меня к себе прижимает! Я же грязная, он костюм испачкает! А костюмы у него очень дорогие, это я знаю – однажды видела счета от портного. Вся одежда Корсара шьется на заказ во Франции, стоит как самолет.

Пытаюсь отстраниться, хотя понимаю – поздно.

– Ты куда?

– Я... я вас испачкала.

– Поверь, это последнее, что меня волнует сейчас.

– Да? А что первое? – пытаюсь сфокусировать на нем взгляд, голова кружится, и, похоже, у меня глаза дико косят, все плывет.

– Мне и самому интересно, что первое, – он смотрит серьезно, но не строго, а... заботливо, что ли? – Василиса, меня волнует твое состояние. Поэтому мы сейчас едем в хорошую клинику.

– В клинику... – Точно, я вспоминаю! Он говорил что-то про осмотр в клинике. Еще там, в отделении, до... поцелуя.

Господи, я реально с ним целовалась?

Мало того, что реально! А еще и сама – сама! – тянулась за этим поцелуем как одержимая! И смаковала каждую секунду!

Ладно, я думала, что это сон, но...

Но он-то знал, что мы в реальности? И... и почему-то не остановил меня?

Он ведь меня ненавидит, я знаю! Он ведь собирался на меня в суд подавать после той истории с документами.

Я ничего не понимаю. Я-то реально не в себе! А он?

И тут до меня доходит! Он, наверное, просто меня пожалел! Увидел, что я на самом деле невменяемая. И решил, что с такими лучше не спорить, а делать все, что они хотят.

Интересно, а если бы я не только с поцелуем к нему тянулась, он тоже бы?..

А если бы это была не я, а другой человек?

Если бы его та Богиня решила поцеловать?

Я представляю картинку и начинаю хихикать как идиотка.

И тут же чувствую, как напрягаются мышцы на груди у Корсара.

– Вася, потерпи немного, сейчас приедем, доктор посмотрит, укольчик сделает...

А вот этого точно мне не надо!

– Укольчик? Не хочу укольчик! Я боюсь!

Снова начинаю всхлипывать. Я реально панически боюсь уколов после того, как мама умерла. Как вспомню ее исколотое тело, все в синяках...

Зачем я вспомнила? Опять ком в горле, слезы...

Что со мной такое?

– Малыш, надо! Зато тебе сразу будет легче. Еще бы знать, чем тебя накачали и кто...

Я стараюсь успокоиться, правда, стараюсь!

Он считает, что я... что меня... Накачали? То есть... реально со мной что-то не так?

Перестая реветь и лихорадочно соображаю.

Дома я глотнула немного белого вина – собиралась поставить его на стол. Любимое вино Антона, он пьет только его. Trimbach Gewurztraminer – немецкое вино, вкус которого, к слову, я совсем не понимаю.

Еще я пила воду, перед самым приходом мужа. Я в принципе стараюсь пить много воды.

И... и все. Больше я ничего не пила. Точно.

Самое ужасное, я вспоминаю, что толком не ела почти с самого утра!

Мы позавтракали с Антошей, он был раздражен, встал явно не с той ноги. Накричал на меня из-за того, что бекон сильно пережарен. Правда, потом извинился. Ну так, очень сухо. Сказал ждать его вечером, позже обычного. Я и ждала.

Днем времени есть не было – перехватила остаток каши Сашулькиной. Мы с ней долго гуляли. Вернулась, накормила дочь обедом. Самой есть опять не хотелось, ну я и не стала мучиться. Вообще, я считаю, есть нужно тогда, когда есть желание! А через силу... Потом мы с Сашей играли.

Я уложила ее на дневной сон, читала журнал по экономике – надеялась, что все-таки выйду на работу, когда дочка в садик пойдет, потом, няня же уже есть, можно выйти даже раньше. Муж, конечно, меня всем обеспечивал, но... Я реально хотела работать, мне нравилась моя работа, и был потенциал. Тот же Корсаков всегда меня хвалил.

Даже когда я его предала, похвалил, сказал, что слила именно ту информацию, которая была самой важной. Молодец, мол, соображаешь...

Почему мне так мучительно стыдно?

Так. Стоп. Опять мысли скачут как антилопы по саванне.

Я думала о чем? О том, почему я веду себя так неадекватно!

Может, у меня галлюцинации от голода?

Машина резко тормозит.

Моя голова приподнимается, и я стучаюсь о подбородок Корсакова.

Ойкаю и смотрю на его лицо. Он смотрит на меня. Серьезно. Но вокруг глаз все равно те самые лучики.

Счастливый и веселый. Не похож он на счастливого и веселого. Уставший, злой лев.

– Что мне с тобой делать, несчастье моё?

– Я не ваша... – говорю заплетающимся языком.

– Я в курсе, – отвечает он и бормочет сквозь зубы еще что-то. Тихо-тихо!

Но... Я могу поклясться, что слышу – «это мы еще посмотрим»...

Интересно, о чем это он?

***

Бывший шеф выносит меня из машины на руках. Накрывает чем-то теплым, я понимаю, что это его пальто. Сам в костюме, а на улице не май месяц, между прочим! Конечно, сильного мороза нет, но...

Я беспокоюсь за него. Подхватит простуду...

Стоп. Я беспокоюсь за Корсакова? Хм, похоже, я и правда не в себе! Мне за себя надо беспокоиться...

Несет меня, словно я легкая, как пушинка. Идет быстро, но аккуратно, чтобы не поскользнуться.

Перед нами яркая вывеска известной клиники. Дорогой клиники.

Я знаю, что Корсаков финансировал строительство этого здания и открытие клиники. И еще деньги переводил в благотворительный фонд. Я тогда так восхищалась им, думала, реально на добрые дела. А Антон потом рассказал, что это стандартная схема отмыва больших денег. Весь бизнес на этом стоит. Увы...

Не будем о грустном.

Почему клиника открыта? Разве они работают по ночам?

Видимо, работают.

Нам открывает дверь молодой медбрат или даже врач, я не вижу, что написано на бейджике.

Корсаков заносит меня внутрь.

Парень, который открыл, показывает дорогу.

– Сюда, пожалуйста, проходите, Александр Николаевич, смотровая готова, Товий Сергеевич сейчас спустится, сестра уже там.

Товий? Какое интересное имя.

Я вдруг спохватываюсь – почему Корсар меня все время таскает? Я вообще-то могу сама идти!

– Может, вы меня уже поставите? У меня с ногами все в порядке.

– Неужели? Ты три раза чуть сознание не потеряла за последний час. «Все в порядке». Потом тебя от пола отскребай!

– Не надо меня... отскребать...

– Тогда молчи и подчиняйся. Ясно?

Вздыхаю. Ясно. Включил тирана.

Я помню, как он это делал, когда мы работали вместе.

Сидим в кабинете, работаем, обстановка деловая, но все-таки дружественная. Он что-то рассказывает не относящееся к делу, ну, например, про какие-нибудь переговоры, как он китайцев «уделал» – его выражение. Или как с американцами договор подписал в обход всех их санкций. Мы шутим, смеемся.

А потом вдруг – раз! Его словно включают. Или выключают. Выключают нормального, включают тирана. И сразу четкая деловая атмосфера. Без «расслабона».

«Расслабон» тоже его словечко. Вернее, не совсем его. Была у него пара приятелей – таких же бизнесменов, которые периодически приезжали к нам в офис и увозили Корсара «на расслабон».

Я дико краснела, когда встречалась с ними в приемной, они вечно отпускали в мой адрес шуточки. А мой босс все время их одергивал, не позволяя со мной вольностей.

– Сколько раз повторять, Василиса Викторовна мой личный помощник, лицо неприкосновенное!

– Да ладно, Санек, неужели ты ни разу не прикоснулся? Теряешь хватку!

– Стареешь, брат!

Я закусываю губу, вспоминая, как это было.

Он ведь на самом деле за меня всегда заступался. И косяки, которые в начале работы допускала, прощал. И премии выдавал довольно часто и без всякого повода.

А я...

Меня неожиданно накрывает волна такого дикого стыда, что хочется снова плакать.

– Ты чего? Что случилось, Вася?

– Ни... ничего. Просто... жарко...

Он же видит мои алые щеки, да?

Как сейчас говорят – испанский стыд? Я не знала, почему именно испанский, но мне реально становится очень стыдно.

Мы заходим в палату – вернее, он заносит меня. Нас встречает молоденькая медсестра.

– Добрый вечер, Александр Николаевич, девушку можно положить сюда. Ее надо раздеть для осмотра.

– Да, я сейчас помогу ей.

Он опускает меня на кушетку, я тут же сажусь.

Эй, что? Он собирается меня раздевать?

Нет уж, извините! Это слишком! Я не готова! Как там было в кино? «На это я пойтить не могу»!

Я только открываю рот, собираясь объяснить этому тирану, почему меня не стоит раздевать, но не успеваю...

Глава 7

В которой Корсар делает неожиданное заявление.

Не успеваю и слова сказать. Корсар обращается к медсестре, очень властно и уверенно – собственно, это его обычная манера общения.

– Оставьте нас на пару минут. Закройте дверь и проследите, чтобы никто не зашел!

Девушка испуганно вспыхивает и выбегает.

Интересно. Он что, реально меня решил раздеть без свидетелей?

Корсаков подходит ближе, садится на корточки, глядя на меня, и жар снова полыхает по всему телу.

– Василиса, послушай, я понимаю, то, что с тобой произошло, ужасно. Ты в шоке. Может быть, даже не очень понимаешь, что я сейчас говорю...

– Я...

– Не перебивай. Какая ты стала... непослушная! Тебя воспитывать и воспитывать! Слушай! Ты теперь под моей защитой, поняла? Так что не бойся ничего. Рассказывай все как было, всю правду, никого не пытайся прикрыть. Я тебе обещаю, что все, кто виноват в твоём состоянии, ответят по полной, поняла? Прежде всего этот урод... супруг твой.

Вот тут я реально не понимаю, о чем он?

– Супруг? При чем тут... Антон?

Не хочет же он сказать, что... на меня напали из-за Антона?

Неожиданно он делает движение вперед и... обнимает меня.

И это точно не сон.

И... я не знаю, как на это реагировать.

Я... замужем. Ну, пока еще... И...

Он отстраняется на мгновение, но лишь затем, чтобы быстро взять мое лицо в свои руки и прижаться к моим губам.

Я растерянно открываю рот, а ему только этого и надо.

Он целует меня. Снова.

И это так... так приятно, что моя голова, которая и так кружилась, теперь вообще вертится, как будто я на карусели.

Его поцелуй жадный, он словно пожирает мои губы, властно, не оставляя никакой возможности уклониться. А мне... мне почему-то совсем не хочется, чтобы он меня отпустил.

Я наслаждаюсь. Мне так хорошо! Я думаю только о том, как мне хорошо. Я даже не представляла, сколько эмоций может подарить один поцелуй! Он делает это так, что ни о чем другом нельзя думать. И я растворяюсь в эмоциях. Я плыву по течению. Думать я буду потом. Когда-нибудь. Это блаженство! Я успеваю только поймать за крылышки одну маленькую, но очень важную мысль. Мне кажется, я вернулась домой. Туда, где мне хорошо, туда, где я могу быть спокойной и счастливой. Мой дом – вот тут. В его руках. С его губами на моих губах. С его ладонями в моих волосах. И я хочу быть тут всегда. Вечно.

Он что-то шепчет. Я не сразу понимаю – что.

И он понимает, что я не понимаю. Отстраняется, тихонько встряхивает меня, заставляя открыть глаза. Я чувствую, что на моих губах играет блаженная улыбка. Которая тает, когда я понимаю, что именно он говорит.

– Что бы ни случилось, я с тобой, поняла? Ты под моей защитой. Ты – моя! Моя женщина, поняла?

Стоп. Я словно мгновенно трезвею. Нет, не поняла! Я вообще-то замужем! И что бы там ни было у меня с мужем, я не готова бросаться на первого встречного! И изменять мужу, какой бы он ни был, я не готова! Я... не так воспитана! И вообще, в нашей семье разводов никогда не было! У отца с мамой был крепкий брак, и папа оставался верен маме, даже когда ее не стало! А ведь он был еще молодой! Ему пятидесяти не было! И... как бы там ни поступил Антон, я... я должна его выслушать, понять и, быть может даже простить, хотя это очень непросто.

Видимо, вся буря эмоций написана у меня на лице, потому что Корсаков усмехается, отстраняется и говорит как-то очень резко, почти зло:

– Ладно, считайте, что вы меня снова не так поняли, Василиса Викторовна. Вы под моей защитой. И вы впредь должны говорить всем, что вы моя женщина, ясно? Просто два слова – моя женщина. Женщина Корсакова. Ясно? Тогда в этой защите сомневаться не будет никто!

Нет, мне неясно. И я хочу ему ответить, но снова не успеваю ничего сказать!

***

– Александр Николаевич! Дорогой! Здорово! – дверь широко открывается, и в смотровую входит громогласный мужчина.

Доктор. Большой. Очень большой.

С огромными руками.

Таковыми обычно показывают патологоанатомов в кино.

И мне на минуточку даже становится страшно. А вот Корсар явно недоволен. Он же просил нам не мешать! Хотя раздевать меня, похоже, не собирался. Или...

Корсаков встает, поворачивается, говорит вполне дружелюбно.

– Товий Сергеевич! Приветствую. Извините, что пришлось будить ночью.

– Хороший доктор ночью не спит, а бдит! Хороший доктор спит днем, на операции! – он громко смеется.

Я понимаю, что он шутит, но мне все равно жутковато, уж больно он большой. И что он будет со мной делать?

– Так, кто тут у нас? Доброй ночи, красавица. Как звать?

– Ее зовут Василиса...

– Она что, немая у тебя?

Я вижу, что Корсаков слегка шокирован. Не привык, что с ним так разговаривают, но, видимо, этому Товию Сергеевичу можно.

– Хм... нет, Товий, она не немая.

– А почему ты за нее говоришь, Саш, а? Непорядок. Я с дамой разговариваю, а он лезет. Ну, красавица? Как зовут?

Чувствую, что челюсти сводит. Но отвечать надо, я ведь правда не немая!

– Василиса... Викторевна...

– Ах, ты еще и Викторевна! Интересно! А лет тебе сколько? Совершеннолетняя?

Я краснею как рак. Да, я иногда выгляжу моложе своих лет. Поэтому все время стараюсь одеться как-то... повзрослее, что ли. Никаких кроссовок и кедр, только туфли. Никаких джинсов и маек, только платья и юбки...

– Да. Совершеннолетняя. Давно. Мне двадцать четыре года, между прочим.

– Ах, двадцать четыре! «Промежду прочим»... Прекрасно! Молодец, Александр Николаевич. Двадцать четыре. Это хорошо.

– Что – хорошо? – я не очень понимаю, к чему клонит этот странный доктор, смотрю на Корсакова, а он... он что, смущается?

Интересно. Надо это как-то... зафиксировать в памяти.

Александр Николаевич Корсаков смущается! Это, наверное, к дождю!

– Ладненько, и что же с тобой случилось, а? Василиса Викторовна?

– Я... меня...

Теперь уже смущаюсь я. Сильно. И рассказывать всю историю при бывшем боссе мне совсем не хочется.

Потому что начать придется, наверное, с того, что случилось дома. Иначе как я объясню, что делала на улице одна? Поздним вечером?

– Так, дело ясное, что дело темное. Что ж... Александр Николаевич, дорогой мой, тут понимаешь, какое дело...

– Какое? – Корсар хмурится, ну это его обычное состояние.

– Такое дело. Девушку надо осмотреть, а для того, чтобы ее осмотреть, – доктор смотрит на меня, – чтобы ее осмотреть, ее надо раздеть!

Так он говорит, а сам подходит к Корсакову, приобнимает его за плечи – гигант, он его выше! – и ведет к двери.

– А раздевать девушек при посторонних, Александр Николаевич, – именно, при посторонних, – нельзя. Так что в смотровой остаются только медики! Это значит, что вас, Штирлиц, я попрошу!

Корсар ухмыляется.

– В кино он просил Штирлица остаться!

– А я прошу тебя выйти со мной, Саш. Сейчас придет другой доктор, женский, и поможет твоей... совершеннолетней, ясно? А мы с тобой пока лекарство примем, то самое, которое ты мне в прошлом году из Франции привез. Как там его – арманьяк?

Корсаков кивает, у самой двери поворачивается ко мне.

– Василиса, все будет хорошо, я рядом.

– Да рядом ты, рядом... не волнуйся. Все с ней будет хорошо. Ты ее сам только больше нервирешь, рыцарь плаща и шпаги...

Великан Товий выводит моего рыцаря... то есть Корсакова за дверь.

И мне почему-то опять становится страшно. Когда он рядом, я чувствую его защиту, а когда его нет...

Я опускаюсь на кушетку, закрываю глаза.

Главное, не думать о том, что было бы, если бы он стал меня раздевать, потому что... белье на мне очень красивое, но... провокационное.

Ему бы точно понравилось... Или нет?

И вообще, он сейчас там с этим доктором напробуется этого лекарства, кажется, арманьяка – название я знала, папа тоже его любил.

А как же я? Он оставит меня тут?

Насовсем?

***

Дверь закрывается, а меня снова накрывает. Голову сдавливает. Тошнота накатывает. Я всхлипываю. Ко мне подходит медсестра.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо! Василиса, да? Меня зовут Настя. Я помогу вам раздеться.

Я не очень понимаю, зачем это все-таки им нужно, хотя платье грязное, но... Они же будут осматривать лицо? И... голову? Решаю поинтересоваться.

– А зачем мне совсем раздеваться?

– Доктору нужно будет посмотреть, что с вами. Возможно, есть внутренние разрывы.

Я не понимаю, о чем она, смотрю удивленно.

– Какие внутренние?

Медсестра тоже смотрит на меня странно, опускает глаза. Она очень молоденькая, симпатичная. Видно, ей не совсем удобно говорить несмотря на то, что она медик.

– Понимаете, так бывает. Вы можете не чувствовать, потому что у вас шок. Но... Потом надо все обработать. Возможно заражение. Это... опасно. И кровь на анализ надо сдать, госпитальную группу, ВИЧ, гепатит...

И тут я вспоминаю, что орала там, в отделении, Богиня. И до меня доходит.

– Пойдите... Вы... вы думаете, меня изнасиловали?

Она не смотрит в мою сторону, опускается, чтобы снять с меня сапоги.

– Нет, что вы, не надо. Я сама могу.

Наклоняюсь и чуть не падаю – голова кружится.

– Осторожнее, Василиса, лежите, я все сделаю!

– Подождите, Настя, вы... Меня, наверное, не так поняли. Точнее, Александр Николаевич не так понял! Меня не насиловали. Правда! Никто меня там не трогал. Они... в общем-то, и не собирались. Меня просто ограбили.

Теперь девушка смотрит на меня. И женщина-врач, как раз в этот момент зашедшая в смотровую, тоже смотрит внимательно.

– Здравствуйте, доктор.

– Доброй ночи, Василиса, – она смотрит в какие-то бумаги, видимо, на меня уже и карту успели завести! Да уж, тут сервис!

– Послушайте, мой босс, то есть... Александр... Николаевич, он... его ввели в заблуждение. Он подумал, что меня... что я... Что на меня напали и надругались. Но это неправда.

– На вас не нападали?

– Нет, на меня напали, но... изнасилования не было. Правда, – закусываю губу.

Со мной иногда такое бывает, я говорю правду, а мне кажется, что все считают – я обманываю. Это неприятно и унижительно.

– Я правду говорю. Вам бы я врать не стала, доктор. Они на меня напали. Вернее, ну, я сидела... Нет, сначала я бежала, плакала, запыхалась. Привалилась к стене...

– Откуда вы бежали?

Ну вот! Чего я и боялась.

И как мне рассказать о том, почему я выбежала из дома поздним вечером и скиталась по каким-то темным сомнительным закоулкам?

– Василиса Викторовна, вас никто не собирается допрашивать. Вы расскажите то, что считаете нужным, и все.

Да уж! Это она не будет допрашивать! А когда за дело возьмется Корсаков...

Все равно он всю душу из меня вытянет!

Ладно. Почему бы и не рассказать?

Не все. Основные моменты.

Я выдыхаю.

Собравшись с силами, начинаю. С того, что поругалась с мужем. Просто поругалась. Сама на него обиделась и решила убежать. Ну да, пусть лучше я буду выглядеть слегка полоумной, чем все поймут, что меня вот так запросто муж из дома выгнал!

Правду рассказывать гораздо стыднее – я понимаю, что нет такого слова, но как сказать? Более стыдно? Наверное. В общем, просто – правду рассказывать стыдно.

Сбивчиво перескакиваю с того, как выскочила из дома – естественно, опуская деталь с подругой, которую встретила на пяточке у лифтов.

Пересказываю то, что помню, чувствуя, как слезы снова накатывают. Потому что реально стыдно врать!

Получается, что я такая дурочка голубая! Ждала мужа на ужин, обиделась на какой-то пустяк, убежала, как героиня дурной мелодрамы. Впрочем – я, наверное, она и есть. Хорошо, что доктор не спрашивает, как я могла убежать, оставив дома ребенка!

Про дочь я вообще стараюсь не думать. Потому что если начну – просто на куски рассыплюсь, не собрать! Я обязательно найду способ или вернуть мужа, или забрать у него Сашку. Костями лягу, но дочь моя будет со мной!

– Василиса Викторовна, что было дальше? Они стали вас бить?

– Они меня кидали как мячик, куклу... Я... начала сопротивляться. Ну, просто, видимо, в состоянии аффекта уже была. Сильно испугалась. Я понимаю, надо было просто им все отдать и бежать, да?

Доктор пожала плечами. Конечно, так и надо было сделать. Тогда бы меня хотя бы не ударили.

А ведь они, наверное, и правда изнасиловали бы меня, если бы не патруль!

– Я стала отбиваться, и один меня ударил по той же самой щеке...

– По какой? По которой вас до этого ударили?

И тут я снова густо краснею, потому что проболталась. И начинаю путанно что-то нести, причем, видимо, сразу ясно, что я вру...

– Да, когда кидали, один ударил, потом второй, и третий еще. Потом шубу сняли – манто черная норка. Наверное, дорогое, мне его свекр подарил на Новый год. И сумку. Сумка тоже дорогая. Дизайнерская. И там... кошелек, карточки. Ну, это же вам не важно, это надо было в полиции рассказывать. А полицейские, наверное, приняли за наркоманку, забрали в отделение. А там...

Я замолкаю. То, что было в отделении, пересказывать совсем стыдно.

Докатилась! Если бы папа узнал!

Вообще-то, если бы папа был жив, Антон никогда не посмел бы так со мной обращаться. Папы не было полгода. Именно за эти полгода так резко изменился мой муж.

Мне это только сейчас приходит в голову! Это же реально! Почему я раньше не замечала?

Доктор подходит ко мне.

– Александр Николаевич сказал вас осмотреть в любом случае, Василиса Викторовна.

И тут я взрываюсь! Он сказал! А если бы они сказал мне почку вырезать?

– Но зачем смотреть там, если там ничего нет! Я не хочу! Я отказываюсь! Позовите Александра Николаевича, если это он тут приказы раздает!

Доктор усмехается.

– Приказы нам никто не раздает. Если вы говорите, что изнасилования не было, я готова вам поверить. Но мне в любом случае нужно осмотреть вас всю. То, что они вас били, толкали – тоже может быть причиной серьезных травм. Сейчас у вас шок. Адреналин в крови. Вы не чувствуете. А последствия могут быть очень нехорошими.

Я смиряюсь с тем, что она говорит. В конце концов – доктор тут она, и ей виднее.

Меня раздевают, кладут на кушетку. Я вижу, как медсестричка смотрит на мое белье. Красивое. Дорогое и... очень провокационное. Наверное, не вяжется сейчас с моим образом. Совсем.

А еще это белье бесполезное. Кто на него будет смотреть?

Вспоминаю поцелуй Корсара, и... вдруг мне очень хочется, чтобы он посмотрел. Увидел!

И как по заказу открывается дверь смотровой!

***

Я успеваю охнуть и прикрыться руками.

И выдохнуть.

Это не Корсар.

Доктор. Громозека. То есть Товий Сергеевич.

Он реально похож на Громозеку из мультика про Алису. Такой же огромный и шумный. Я часто ставлю моей Сашульке советские мультки. Она еще не все понимает, но именно старые советские любит больше всего.

Товий Сергеевич потирает руки, подходит ближе.

– Ну что, душенька, приятеля вашего я упаковал...

– Куда? – пугаюсь я.

– Не куда, а как! Сидит с моим хирургом, обсуждает новые девайсы для операционной – стоимость закупки и прочая ерунда, о которой девушки думать не должны.

– Я вообще-то не просто девушка, я экономист. И работала личным помощником Александра Николаевича как раз когда он эту клинику строил.

– Да неужели? Какая молодец! Странно, почему я тебя не помню. Я почти всех сотрудников знаю, они ведь все у нас по ДМС лечатся.

Неужели мне снова краснеть? Ну да, так и есть, чувствую румянец.

– Я уже не работаю. Уволилась.

– Да? Удивительно, как он тебя отпустил, такую...

Я хочу спросить – какую, но чувствую руки доктора на своем теле и уже не могу ни о чем говорить.

– Ребра целы. Это уже хорошо. Ну-ка посмотри на меня?

Он проводит манипуляции, светит фонариком в глаза, вопросы задает. Я отвечаю. Голова уже почти не кружится. И не тошнило меня.

– Ну, «сотряса» тут нет. Это уже хорошо. Ирина Георгиевна, вы осмотр окончили?

– Нет, Товий Сергеевич. Мы...

Я перебиваю, потому что об этом я должна сказать сама.

– Мне не нужен осмотр. Изнасилования не было, – говорю и... хочется сквозь землю провалиться от стыда.

– Вот и прекрасно. Я так и подумал. Слава богу.

– Правда? – я удивлена. Как это, он так и подумал?

Он словно отвечает на мои мысли.

– Девонька моя, если бы было то, о чем мне сказал Александр Николаевич, когда позвонил и стал орать как резанный, ты бы так спокойно у него на руках не сидела. Ирина Георгиевна, вы свободны, отдыхайте.

Гинеколог прощается со мной, выходит.

Товий Сергеевич подходит ближе, садится.

– Все нормально. Я ж не первый раз замужем, Василиса... Викторевна! Так что... выдыхай, бобер, все в порядке. И ему я сказал, что тебя, скорее всего, просто припугнули, да?

Киваю, сглатываю. Значит... значит, мой бывший босс уже знает, что я не?..

Это ведь хорошо? Ну то есть ему теперь не нужно за меня беспокоиться, и он может спокойно ехать домой? Из полиции он меня вытащил. Врачу показал. Все в норме.

– А вот психологическое состояние твое, девушка-экономист, мне не нравится. Корсаков считает, что тебя могли чем-то накачать. Глюки ловила?

– Что? Какие... Нет! Я... мне просто казалось, что я сплю, и все!

– Что такое глюки – знаешь?

– Ну...

– Ладно. Пить они тебе ничего не давали? Курить?

– Нет. Только... один папиросу какую-то курил, выдохнул мне в лицо.

– Ну... даже если это была трава какая-то, вряд ли тебя бы с этого так разобрало. Саня сказал, что ты сознание теряла, и состояние было нестабильное.

Я его целовала! Конечно, состояние было нестабильное! Так... то есть... он тоже посчитал, что я неадекватная? Ужас какой.

Я не успеваю додумать, что в этом ужасного, Товий продолжает:

– Анализ крови нужен. Настенька, подготовь все.

– Все готово, Товий Сергеевич.

– Отлично, так... нет, сначала давай-ка давление померяем.

Настя подает прибор, Товий Сергеевич одевает мне манжету на руку, нажимает кнопку. Я расслабляюсь, но как оказывается – рано.

– Ты зачем из дома-то ломанулась? На ночь глядя? С мужем поругалась, что ли?

Я киваю. Не хочется вспоминать, но перед глазами перекошенное лицо Антона, его злые слова, летящий кулак...

– Он тебя ударил?

Глава 8

Белье «Агент Провокатор» и не только.
Что? Откуда он?..

Понимаю, что мои алеющие щеки говорят за меня.

– Гондон твой мужик, Василиса Викторовна. Гондон. Женщин в принципе бить – последнее дело. А уж таких, как ты...

Чувствую, как глаза предательски наполняются слезами.

Ужасно. Стыдно. Обидно.

Сглатываю, пытаюсь что-то сделать с комом, который встал в горле.

– Ну, ладно, ладно, прости дядьку старого. Не хотел тебя расстраивать. Но словам моим поверь. Не человек он, а то, что не тонет. Поняла меня? Вот! А к Корсару присмотришь, Корсар у нас мужик правильный. А давление у тебя, экономист, совсем низкое. Ты ела сегодня?

Говорить не могу, головой качаю. Слезы в уши затекают, всхлипываю.

– Так, Настя, возьми анализ, я пойду, успокою нашего работодателя. Да, еще... Половой контакт сегодня был?

Боже, как стыдно!

Качаю головой, закусывая губу.

И тут же с ужасом я понимаю, что когда я целовалась с Корсаковым, еще в тот первый раз, в полиции – мамочки, я ведь реально с ним целовалась! Два раза! – я так возбудилась, что мое белье промокло насквозь! И теперь там наверняка пятна.

Ужас.

И как я вообще теперь смогу посмотреть в глаза Корсакову?

А ведь мне придется ему в глаза посмотреть! Он ведь не просто так сказал, что я теперь его женщина?

Он вообще ничего никогда не говорит просто так.

Я вздыхаю. Надеюсь, что он уже уехал, ну или по крайней мере больше не будет меня беспокоить сегодня.

А до завтра... До завтра я приду в себя и придумаю, как мне с ним себя вести.

Товий Сергеевич о чем-то говорит с медсестрой, потом подходит ко мне.

– Ну вот что, дорогая, сейчас возьмем анализ крови, обработаем твое личико прекрасное, а завтра посмотрим, как будешь чувствовать себя. Скорее всего, отпустим мы тебя домой. Я думаю, ничего криминального с тобой не случилось. Стресс, давление, еще и диеты эти ваши! Голодаете, а потом...

– Я не голодала. Просто...

– Просто, детка, в одном месте короста! Минут через десять принесут ужин. Потом Настя даст лекарства, и спать. Завтра с утра зайду.

– Спасибо вам.

– На здоровье, дорогая, на здоровье.

Он выходит. Я выдыхаю.

Ну все. Вот и закончилось приключение.

Укола в вену я почти не чувствую, стараюсь не смотреть в ту сторону.

Потом медсестра помогает мне подняться, приглашает в соседнюю комнату.

– Там у нас есть душ, вы можете смыть грязь. Потом я помогу вам одеться.

– Я... я сама справлюсь. Спасибо. Только...

Хочу сказать ей, что мне нечего надеть, но она выходит.

Вижу висящее у душевой большое чистое полотенце.

Ладно, могу пока завернуться в него. Когда вернется Настя – спрошу, может, у них есть какая-то одежда? Униформа или... халаты для пациентов?

Не успеваю раздеться, потому что слышу шум двери – наверное, вернулась Настя и все-таки принесла мне одежду.

Поворачиваюсь.

Да, одежду мне действительно принесли.

Но это не Настя...

***

Белье пригodiлось.

Почему-то эта мысль первая приходит в голову.

Не то чтобы я хочу, чтобы Корсаков увидел меня в нем.

Да я уже вообще не соображаю, чего я хочу.

Нет, не так! Вася, ты просто вообще уже ничего не соображаешь, давай вот честно!

Жила всю жизнь в золотой клетке, от всего дурного отгороженная, сначала папой, потом мужем.

Один раз только свернула с пути истинного, поступила дурно, хотя и верила, что для благой цели. Но...

И вот получила разом! За один вечер, вернее, ночь, столько эмоций! Как игрок какой-нибудь идиотской программы с розыгрышами!

Только игроку в финале все-таки рассказывают, что его разыграли!

А мне? Мне кто скажет?

Или завтра с утра мне позвонит Антон и скажет, извини, маленькая, решил проверить тебя на прочность?

Бред.

Стою в одном белье. Понимаю, что ноги мои, без рваных чулок, но все в грязи. И еще понимаю, что я даже не дернулась, чтобы прикрыться.

А он смотрит на меня.

Корсаков Александр Николаевич. Серьезный мужчина. Бизнесмен. Богатый. Известный. Холостой до сих пор. Красивый.

Смотрит.

На верхушечки груди, приподнятые бюстгалтером-бра, прозрачные, с аккуратными вырезами, прямо над сосками, так, чтобы видно было ареолу.

На живот, пусть не идеальный, как у моделей, не рельефный, но красивый, плоский, с аккуратным пупком.

И туда, ниже, на лобок, где перекрещиваются кружевные ленты, видна розовая кожа и самый краешек половых губ – так задумано, чтобы ТАМ выглядело так же, как грудь в декольте.

В магазине меня уверяли, что это очень сексуально.

А мне хотелось быть сексуальной для мужа, потому что я чувствовала, что с сексом у нас в последнее время все не очень хорошо.

Нет, для меня, в общем, наоборот, было лучше.

Я не любила секс. Мне не всегда было приятно то, что делал Антон. Мне нравились поцелуи, нравилось, когда он ласкал мою грудь – особенно в начале отношений, после свадьбы. Но сам процесс проникновения...

Я часто испытывала боль и дискомфорт.

И никогда не испытывала оргазм. Совсем. Никак. Я вообще думала, что...

В общем, была уверена, что женщины, скорее, притворяются, когда говорят, что им нравится секс. Им просто хотелось, чтобы мужчины оставались с ними, те мужчины, которые нравятся, которые могут обеспечить комфорт в жизни, статус. А удовольствие... удовольствие приносит общение, поцелуи, время, проведенное вместе, дети...

Какое удовольствие может принести процесс, когда один человек засовывает в другого посторонний предмет и с силой его туда вгоняет?

Я была бы очень рада, если бы секс состоял только из поцелуев и прикосновений. А само проникновение занимало бы – ну, раз уж мужчинам так надо! – минуту, ну две...

Ну, собственно, в последнее время с Антоном так и было. Редко. Быстро. И без всяких ласк и поцелуев.

Он рассказывал, что у него на работе проблемы, что горит контракт, что поставщики и контрагенты подставляют, что конкуренты очень сильно «прогибают».

Я верила. И жалела его. И мне, в общем, было даже лучше вот так. Хотя единственное, что доставляло радость, это небольшая прелюдия.

Но я ведь понимала, что мужу плохо? И мне хотелось сделать хорошо.

Поэтому я и поехала в этот магазин элитного белья. Мне про него Ленка рассказывала.

Ленка, которая, видимо, и утешала моего мужа так хорошо, что ему и не нужны были мои жалкие потуги.

– Ты не замерзла? – его хриплый голос выводит из транса.

Понимаю, что погрузилась в воспоминания и так и стою перед Корсаковым.

Почти голая.

В красивом белье.

Меня действительно трясет. И не только от холода. От всего.

А он...

Опускает голову, чуть качая ею.

Потом... делает шаг ко мне, срывая полотенце, укрывая меня им.

Я понимаю, что он хочет отстраниться, выйти, дать мне, наконец, принять душ, но...

Но он делает совсем другое...

***

Прижимает к стене, накрывает губы своими, не целует – сначала словно просто трет своим ртом мои губы.

Словно навязывает мне свои правила игры. Говорит, что теперь все будет так, как он сказал.

Я с ходу это понимаю.

Вообще, нам, наверное, потому и было так комфортно работать вместе – я всегда интуитивно чувствовала, что ему нужно.

Когда нужно заранее все подготовить, четко разложить по полочкам. Быть собранной, строгой, внимательной, выполнять по щелчку пальцев все просьбы. Когда нужно просто быть рядом, помогать. Когда нужно дружелюбие и участие.

А иногда – когда нужно слегка расслабиться и накосячить, чтобы ему было к чему прицепиться и выпустить пар. Не наорать – нет! Просто дать ему понять, что я не идеальная, чтобы он успокоился.

Удивительно, что я вспоминаю об этом теперь!

Когда он прижимает мое дрожащее тело к ледяному кафелю и трет мои губы своими.

А потом он делает это.

Открывает свой влажный рот, накрывая меня сумасшедшим поцелуем.

Вот теперь по-настоящему. Влажно и жарко. И мучительно приятно. Так, что забываешь обо всем. О ночи, похожей на эпизоды триллера, о проблемах, о головной боли, о стыде, о холодной плитке за спиной.

Я перетекаю в него по капле. Он словно выпивает меня.

Поглощает.

С изысканностью гурмана.

У меня стоит шум в ушах. Вернее, кажется, что я слышу прибой, грохот моря так близко. Как будто руку протянуть, и там будут соленые брызги.

И мне жарко, словно я под обжигающими лучами южного солнца.

И даже за спиной уже не морозильная камера стены.

Его язык такой аккуратный, внимательный, исследует глубины моего рта, подробно, словно у него есть карта. Он облизывает мой язык, проводит по нему сначала острым кончиком, потом расслабленно, всей поверхностью.

И я чувствую... то, что я всегда чувствую при поцелуях, и никогда, когда дело доходит до другого.

Я влажная там. Я возбуждена.

Мне сладко.

Мне хорошо.

Я схожу с ума.

Правильно, наверное, Антон сказал, по мне «психушка» плачет.

Я сошла с ума этим вечером. Окончательно и бесповоротно.

Или это уже не я?

Вот эта девушка в почти непотребном нижнем белье, которая прижимается к чужому мужчине, сильно возбужденному чужому мужчине, и стонет прямо ему в рот?

Мамочки мои...

Что же я делаю?

Чувствую его руки на своем теле, очень горячие и очень осторожные, он прижимает меня, отрывая от обжигающего льдом кафеля. Одна ладонь на моей пояснице, чуть выше бедер, там, где ямочки. Вторая зарывается в мои волосы, водопадом рассыпанные по плечам.

Я, наверное, похожа на падшую женщину.

Может быть, он и целует меня так потому, что принимает за такую.

Мне все равно.

Я хочу этот поцелуй!

Хочу, чтобы он длился вечно.

Хочу еще.

Хочу, чтобы он не останавливался.

Потому что когда он целует так – можно ни о чем не думать!

А я не хочу ни о чем думать.

Я просто хочу немножко этого сладкого сна.

С этим мужчиной, который когда-то мне так нравился, о котором я когда-то даже мечтала, который когда-то сделал полшага ко мне, а потом отступил.

С мужчиной, которого я предала, обидела, привела в бешенство...

Нет-нет... об этом не вспоминать. Не надо.

Только сладость и обжигающий жар губ, от которого я становлюсь мягкой, как тающий шоколад.

Я не сдерживаю стоны, чувствуя, как звук моей капитуляции проникает в наш поцелуй, вибрирует в моей гортани.

Не понимаю, как может быть так горячо и мокро между ног.

Дрожу, потому что мне хорошо. Мурашки по телу, потому что хорошо!

Понимаю, что не могу дышать. Но и остановить его не могу... Нет сил.

Парализована.

Увязла, как муха в паутине...

Растворилась в нем...

Он чуть отстраняется для вдоха. И для того, чтобы наши взгляды скрестились.

Быстро моргаю, стараясь сфокусироваться на нем.

– Извини. Я не мог удержаться. Ты просто... ты просто ходячий грех, Василиса, ты знаешь об этом?

О! Я... я понимаю, что мне лучше молчать.

– Твой муж видел тебя в этом белье?

***

Что?

Он спрашивает, видел ли меня муж в этом?

Я понимаю, что щеки горят. И вовсе не оттого, что я только что так страстно целовалась.
Нет.

Мне стыдно. Очень.

Корсаков только что спросил, видел ли меня муж в этом белье. Он мне напоминает, что я замужем!

Я замужем! А веду себя, как...

Собственно, веду себя, как та, за кого он меня принимает!

Начинаю отчаянно вырываться, чувствуя, как слезы подступают, еще мгновение – разре-
вусь!

А он... Корсар! Пират несчастный... Силу применяет!

Прижимает снова так, что дышать не могу!

Лицо мое к себе поднимает за подбородок.

Пытаюсь опустить ресницы, чтобы глаза спрятать. Потому что не хочу, чтобы видел их.
И слезы не хочу, чтобы видел, хотя все равно увидит, потому что сейчас потекут уже.

Господи, когда-нибудь кончится эта ночь унижительная?

Неужели я еще не все свои грехи отработала?

И вообще, за какие грехи-то все это мне? Что я сделала?

Я ведь всю жизнь была правильной! Просто... как Ленка говорила, до скрежета зубов-
ного. В школе училась. На дискотеки ни ногой! С парнями до восемнадцати лет не встречалась.
Даже за ручку не держалась!

Может, потому еще, что когда в институт поступила – вокруг меня все были взрослые. Я
для них – малявка, вроде сестры младшей. Они меня не... не развращали, в общем. Наоборот
– воспитывали! Этого не делай, того не делай. Постоянно слышала: «Василиса, уши закрой».
«Василиса – это не для тебя!» «Василиса – сначала подрасти»... Даже в какой-то момент взбун-
товаться хотела!

Хотя какая из меня бунтарка!

Потом параллельно с учебой работать начала. Откуда время на любовь?

Еще папа меня оберегал, как вазу хрустальную. Или как куколку фарфоровую.

Все повторял, что сам мне жениха найдет, чтобы я даже не думала самостоятельностью
заниматься.

И на самом деле первый парень, который меня поцеловал, был сыном папиного давнего знакомого.

Только я для него оказалась слишком пресной. Он даже сказал:

– Ты такая правильная, Василиса, такая нежная, боюсь тебя сломать.

Ленка говорила проще – старомодная ты, Васька, занудная и скучная. Будут от тебя парни бегать, как черти от ладана, даже несмотря на то, что ты миленькая.

Она всегда говорила, что я миленькая. Хотя папа считал, что я настоящая красавица.

И не только папа!

Корсаков однажды сказал ему – я слышала!

– Виктор, дочку свою, главное, охраняй, следи за ней. Она еще совсем ребенок, хотя некоторые в таком возрасте уже... Извини. Она у тебя редкая красавица. Необыкновенная. Потрясающая. Такую женщину получить – как выиграть Олимпийские игры. Или тендер от Газпрома...

Про Газпром он, конечно, пошутил, но...

Я весь вечер потом летала. Сам Корсаков назвал меня красавицей. Это... Это точно, как Олимпийские игры выиграть!

Корсаков...

Этот Корсаков только что подарил мне поцелуй... невероятный. Ошеломительный.

И он же потом спросил про мужа.

– Я бы контрольный пакет акций отдал за то, чтобы узнать, о чем ты думаешь.

Я не могу удержаться, поднимаю ресницы, зная, что он увидит глаза, полные слез.

– А если я сама расскажу, тоже отдадите?

Он тихонько смеется, и его низкий грудной смех отдает тянущей болью внизу живота.

– Так неинтересно. Если сама расскажешь. Хотя? – он наклоняется к моему уху. – Сорок процентов.

– Что? – я сама потрясена от того, что включаюсь в эту игру.

– Акции. Твои. Завтра. Если скажешь, о чем думала.

И тут я понимаю – не скажу! Нет! За сорок процентов не скажу, и все!

И за пятьдесят! И за контрольный пакет!

Если ему так интересно – пусть помучается! Потом скажу. Бесплатно.

Господи, я реально думаю, что ему это будет интересно завтра? Или даже через пару часов?

Внезапно он отстраняется.

– Василиса, ты замерзла совсем. Иди в душ. Грейся. Я сейчас пришлю медсестру, она передаст тебе вещи. Потом проводит в палату. Там ужин.

Я не очень понимаю, почему он вдруг отстранился.

Почему перестроился на какой-то другой уровень.

Он уже шагает к двери. Возможно, выйдет, и... я больше его не увижу.

Но, видимо, ночь у меня реально безумная, потому что я рискую:

– Почему вы спросили, видел ли меня муж в этом белье?

Корсар поворачивается. На его лице хищная ухмылка.

– Ты реально хочешь узнать ответ?

Глава 9

А теперь Корсар!
Корсаков. Ранее в тот же день...

Адский день на бирже подходит к концу.

Я закрываю глаза. Откатываюсь в кресле чуть назад, ближе к панорамному окну. Кружит снег. Деревья в инее. Дороги черные от жижи.

Люблю зиму и ненавижу.

Я такой. Един в двух лицах. Никто не знает, где я настоящий.

И не узнает.

Это экономически невыгодно, чтобы кто-то знал меня слишком хорошо.

Я этого не допущу.

Даже если появится женщина, с которой мне придется связать свою жизнь – а она появится, потому что наследник мне все-таки нужен, – она тоже не будет ничего знать.

Не выйдет за рамки мною написанных правил.

Никогда.

Я просто не дам ей такого шанса.

Надо встать, выключить ноутбук и ехать домой.

Нет, домой не хочу. Поеду в клуб. Надо немного выпустить пар.

Позвоню Гарику, пусть встретит, подгонит мне компанию.

Тру лицо руками. Да, пожалуй, так и поступлю.

Хотя... Почему-то чувствую, что сегодня мне в клубе расслабиться не судьба.

Принято считать, что интуиция – это женское. Мол, это бабы все всегда чувствуют на каком-то тонком уровне. Я всегда смеялся над этим утверждением. Если бы оно было так, бизнесом бы занимались только женщины. Потому что в бизнесе порой, лично для меня по крайней мере, интуиция играет решающую роль. Мне будут говорить, что это выгодно, меня будут уверять, что я получу отличную прибыль, мне приведут сотню примеров того, как зарабатывают на похожих сделках. Но если моя интуиция чуть качнет головой, я откажусь от сделки.

Никогда и никому не говорил об этом. Нет, вру, однажды рассказал. И это чуть не стоило мне моей компании.

Не будем о грустном.

Полчаса – и я в клубе.

Еще пять минут, и Гарик подходит ко мне с двумя красотками.

Они как инь и янь. Высокая стройная блондинка с прямыми волосами и среднего роста аппетитная кучерявая брюнетка.

– Александр, приветствую.

– Вечер добрый, Гарри, как сам?

– Как видишь. Отдыхай.

– Спасибо.

Гарик давний друг. Я помог ему открыть этот клуб и еще несколько в других городах. Бренд «Ласковый заяц» хорошо знают любители клубной жизни.

Я не любитель. И не профессионал.

Мне просто иногда надо потрахаться, потому что я живой.

Заводить любовницу я не хочу. Мне не нравится, когда баба путается под ногами и начинает устанавливать правила.

Иметь постоянную шлюху мне тоже неинтересно. Это приедается.

Жениться?

Не смешно.

Когда-то я думал об этом. Когда-то давно. В другой жизни. Один раз.

Нет. Извините.

Пока я к этому еще не готов.

Ну и я не баба, часики у меня не тикают. Я могу и подождать еще пару-тройку лет.

Рука блондинки ложится мне на ширинку. Брюнетка ныряет ладошкой под пиджак, расстегивая рубашку. Я снимаю галстук.

Мы в VIP-зоне. Перед нами стекло. Мы видим все, что происходит в клубе. Нас не видит никто.

Я могу трахать их обеих, прижимая к стеклу – никто не увидит.

Меня это заводит.

Губы блондинки уже обхватывают мой член. Брюнетка облизывает мои соски.

Я их не трогаю.

Я ничего им не говорю. Предпочитаю, чтобы они проявили инициативу. Пусть отраб-
тают. Плачу я хорошо.

Держу блондинку за волосы, пока она делает мне горловой минет.

Хорошо. Но, сука, чего-то мне не хватает.

Это, блядь, как суп-харчо без специй, без перца. Не обжигает. Не горит...

Сука... у меня давно ни с кем не горит.

Мне, наверное, лучше вообще не трахаться...

Видимо, вселенная тут же подкидывает знак – вибрирует телефон.

Личный. По нему звонят всего несколько человек. В том числе один из сотрудников
службы безопасности.

Я чувствую, что это именно он.

Интуиция, мать твою.

Еще я чувствую, что сегодня буду трахаться совсем в другом месте, и «трахаться» в дан-
ном случае – не значит вставлять милой девушке до гланд.

– Да, Клим, в чем дело?

Слушаю, охеревая...

Это просто кабздец.

Кабздец!

Через полчаса я в нужном отделении.

Хорошо, что у меня везде есть свои люди. Мы мило беседуем с начальником смены,
шутки-анекдоты. Неформальный разговор. Потом слышим ор. Кто-то из задержанных «бузит».
Интересно посмотреть.

Мне так очень интересно!

А еще через пару минут я вижу ее. И слышу то, что приводит в шок.

Клим мне об этом не сказал.

В ее глазах такой ужас...

Твою же мать... девочка... что ты натворила?

Что, блядь, я натворил?

***

Интуиция не подводит. Мне реально приходится трахаться, но совсем не так, как хотелось бы.

Смотрю на эту несчастную, с подбитым глазом, грязную, дрожащую...

Хотелось бы.

И хочется.

Даже такую, млять, хочется...

Просто до боли в яйцах.

Потому что это мой суп харчо с перцем!

Это мой личный сорт самого лучшего, самого забористого «плана».

Чёрт, траву не курил, кажется, сто лет, почему вспоминаю?

Пытаюсь осознать то, что говорят про мою девочку – сколько времени прошло, а я все еще мысленно так ее называю, хотя она не моя, никогда моей не была и...

Я был уверен, что не будет.

Нет, Корсаков. Это чужая головная боль. Пора тебе к этому привыкнуть!

Хрен там.

С недавнего времени снова – моя.

И еще раз хрен. Всегда моя.

Не знаю, блядь, почему.

Ненавижу ее. Так, что жилы тянет...

За то, что сделала со мной. За то, что всегда со мной делала! И делает до сих пор.

Ненавижу, потому что из-за нее я слабак. Мякиш хлебный. Тряпка.

А я не люблю быть тряпкой.

Понимаю, что ее ведет, сознание теряет. Мне дотрагиваться до нее – все равно, что голыми руками из костра головешки таскать. Или железные прутья, раскаленные добела, хватать.

Но деваться некуда.

Беру. Несу. Помогаю.

Альтруист хренов.

Добрый самаритянин.

Дверь закрываю, а сам думаю – тебе важно, чтобы она была жива. Остальное тебя волновать не должно.

Но...

Мать твою, неужели ее правда...

Ее... силой? Еще и толпой?

Меня накрывает.

Сука! Сука!

Выть хочется!

Какая тварь посмела пальцем тронуть?

Где, блядь, был Клим и его команда?

Всех урою. Уволю. «Волчьи билеты» в зубы получают!

Так, спокойно, Корсаков. Спокойно.

Твой конек – хладнокровие!

Нельзя напугать ее еще сильнее, поэтому ты должен вести себя так, словно ничего не произошло.

Это правильно.

Что надо сделать?

Надо срочно показать ее врачу. Нужно ехать в клинику.

Звоню Товию, поднимаю всех на ноги. Не спать! Работать! Бабки плачу!

И снова хочется выть...

Что она так долго? Какого?

Вламываюсь – дверь не закрыта.

Она стоит у раковины. Лицо умыла. Синяки стали ярче.

И глаза как блюдца.

Красивые глаза. Нереальные.

Они у нее не голубые и не зеленые. Они цвет меняют. Это я давно заметил, еще когда она совсем девчонкой у отца своего работала. Когда она злится или волнуется – они темнеют и становятся как небо в грозу, солнцем высвеченное. А когда смеется и радуется – светлеют и становятся как морская волна.

Ты хренов поэт, Корсаков.

А вот Ромео из тебя так себе. Староват. Хорошо хоть лысины нет. Повезло.

Я что-то говорю. Она что-то отвечает.

Предупреждаю ее о клинике, понимая, что она вряд ли вообще вдуляет, что происходит. Ее и по голове, видать, хорошо приложили. А может, и накачали чем.

Твари.

Закопаю. Каждого. Лично!

Все лично поотрываю и запихну кому в рот, кому в задницу!

Еще что-то говорю. Не знаю, зачем тяну время.

Как приговорённый оттягивает минуты до плахи.

И все равно ведь голова летит с плеч!

Так и я лечу.

Как с горы вниз, без страховки, зная, что и парашют хрен раскроется.

Сжимаю в объятьях, понимая, что пропадаю.

Горю. Таю. Умираю рядом с ней.

Потому, что это охренеть как хорошо.

Даже такую ее обнимать и к себе прижимать.

Особенно такую.

Понимая, что она тут не то что не по своей воле. Ее вообще даже близко тут быть не должно!

А ты, урод моральный. Пользуешься ее плачевным состоянием! Ее положением!

Как я мог такое допустить? Как?

Обнимаю ее тело, такое податливое, нежное...

Не смей возбуждаться, Корсаков, мудак! Ей сейчас только этого не хватает!

Но разве ему объяснишь... По стойке смирно, мля...

Она что-то говорит.

Я не соображаю, что.

Похоже, у меня, как и у нее, глюки.

Или?

Мяукает как котенок.

Нежится, ластится...

Она точно не в себе.

Потому что...

Потому что она меня целует.

Это... нормально?

***

Нет, Корсаков, нет! Это не нормально! Останови ее!

Блядь... останови!

Но...

Как же вкусно...

Все. Башню сносит.

Улетаю в воспоминания, самые сладкие, тайные, запретные...

Я знал, что ей уже восемнадцать.

Но не знал, что меня, тридцатилетнего мужика, от этого знания каждый раз будет пополам сгибать!

Потому что она выросла. Потому, что ей уже можно.

ВСЕ можно!

Мать твою... Все!

И она вполне может все это делать с каким-нибудь мальчиком-зайчиком из своего модного универа, в котором одни обсоски богатенькие трутся...

Присматривался к ней каждый раз.

Да что присматривался... принюхивался, как самец во время гона. Потому что от девушки невинной пахнет совсем не так, как от женщины, которая познала мужчину.

Она пахла невинностью.

Она краснеть умела!

Мать твою! В двадцать первом веке!

– Извините, я кофе не подаю. Я не секретарь, а помощник по экономической части, – и щечки заалели.

И я млел. Как подросток от нее млел...

Моя малышка. Моя девочка.

Когда я стал о ней так думать?

Наверное, тогда и стал, когда зажилила мне кофе принести, стервочка малолетняя.

Потом извинилась, главное...

– Александр Николаевич, вы меня простите. Я правда не могла вам кофе сделать... не потому, что я такая...

– Какая?

– Не знаю, – опять щеки как маки! – ну... недружелюбная? Не «френдли»? Просто у папы в офисе строгий регламент. И мне... мне потом от него выслушивать.

– Я все понял, Василиса. Не переживай. Просто... хотелось кофе из твоих рук. Видимо, придется зайти к вам в гости. Твой отец говорит, ты умеешь варить вкусный.

Зарделась, промямлила что-то и ушла, а я отметил, что она даже попкой не виляет.

Блядь! Не умеет просто! Ходит как... подросший олененок.

А я как придурок в их офисе с вечным стояком! Жертва онанизма...

Каждую встречу с ней помнил.

Вечер у ее отца. Что за праздник был – хрен знает. Виктор волновался, что я заскучаю, робко так пригласил, уверяя, что если я не смогу, он не обидится.

Старый пень не видел ничего дальше носа своего!

Как не мог понять, что я на его малышку слюни пускаю? Что у меня стоит, как только я ее запах в комнате чувствую?

Повезло тогда. Бабы стали вешаться гроздьями – прекрасный повод просить убежища.

Да это, блядь, самый счастливый вечер в моей жизни был!

Мы с ней гуляли по их участку, она показывала розы, которые еще с мамой сажала, рассказывала о детстве... а у меня только об одном мысли были, как не потерять контроль, как не испугать ее напором.

Я ведь не кретин, видел, что я ей нравлюсь, но не так, как мне хотелось бы.

Она, скорее, видела во мне пример будущего мужа, образец, хотела бы похожего, но помоложе. И помягче.

И как же меня это... бесило.

Твою ж мать...

До скрежета зубовного.

Да, я не прекрасный принц. И никогда им не был!

Скорее – чудовище из замка или маркиз Синяя борода.

К таким, как я, принцессам лучше не приближаться.

И мне ручонки надо от принцессы держать подальше.

По крайней мере, пока.

Пока она совсем еще девчонка. Кроха. Юная. Наивная. Чистая.

Но как же хотелось погрузиться в эту ее чистоту!

Окунуться. Раствориться в ней.

Я ведь ее даже за руку взять боялся!

Уверен был, что просто не выдержу! Заведу ее в дальний угол сада, прижму к дереву и...

Нет. Просто поцелую. Нежно. Ласково.

Я ведь умел это делать нежно и ласково? Наверное, умел. Просто никогда не делал.

Я любил жесткость, силу.

Куда мне такую принцессу? У неё же над головой розовые пони летают!

Мы с ней тогда еще через небольшой пригорок пошли, там был крутой подъем, а я ей руку не подал. Кретин.

Она так удивилась. Сказала так обиженно:

– Александр Николаевич, а вы мне не поможете, я сама не смогу, на каблуках, надо было, конечно, туфли переодеть...

– Извини, Василиса. Задумался, – голос охрип тогда от напряжения. А когда почувствовал ее руку в своей руке, аромат ее нежный...

Если бы она только знала, наивная, с каким огнем играет!

И если бы я хоть на мгновение почувствовал, что с ее стороны это игра!

Нет. Это не было игрой. Совсем.

– Александр Николаевич, а вы со мной потанцуете? Пожалуйста.

Конечно, я от танца отказаться не смог. Тем более ей так хотелось казаться взрослой!

Обнимал ее осторожно, покачивая из стороны в сторону, боясь, что почувствует, насколько я не принц! Насколько я испорченное чудовище...

А так хотелось прижать ее к себе, дать почувствовать мужскую силу!

Твою ж мать...

Потом как бы в шутку отцу ее сказал, мол, ждите сватов.

Шутник, блядь...

Надо было слать! Может, не случилась бы вся та хрень, в которой меня в итоге Виктор обвинил. Ну да, мой косяк тоже был, признаю.

Хотя не настолько серьезный, как он думал.

Но Виктор выставил меня подлецом, лжецом.

Я хотел ему все объяснить, но он слег с инфарктом. Я тогда ему помог негласно. Через знакомого доктора, Товия, с которым много лет уже был дружен.

Но... все мои надежды на то, чтобы сосватать принцессу из розового замка, пошли по одному месту.

Только в мечтах брал ее...

Просто за руку брал. Обнимал, кружа в вальсе.

Прижимал к себе... Всю.

Столько лет прошло, и вот... прижимаю так, как мечтал. Даю почувствовать в полной мере. Все почувствовать, до сантиметра!

Забыв о том, что эта девочка пережила несколько часов назад...

Но я не могу по-другому. Она и сама ко мне льнет, стонет, губы свои отдавая без остатка.

А я только каким-то задним умом понимаю, что она просто не соображает, где и с кем. Она, может, в мечтах представляет, что это ее муж, ублюдок конченный, ее обнимает!

Трется об меня, а я вдыхаю запах и понимаю, что она течет!

Моя девочка по мне течет!

Или по тому, кого на моем месте представляет.

Мля... хреново-то как! Хреново!

И ведь не узнаешь!

И интуиция, продажная девка, тут молчит как партизан!

Мне бы взять ее, приподнять, под себя устроить, прижать к стене и...

И снова как знак свыше в тот самый момент, когда я почти решился...

Телефон.

Твою мать...

***

Да уж.

Твою мать – было самым верным ответом на все происходящее.

Василиса явно не в адеквате. Начинает что-то бормотать о том, что я ее сон.

Конечно! Муж Антон реальность, а я сон!

Так и подмывает выложить сразу все, про ее любимого гондона... ой, простите, Антона.

Но ее нервировать точно последнее дело.

Думаю, еще удара ее психика точно не выдержит.

А мне не нужна жена с таким анамнезом.

Да, я не оговорился. Жена.

Только так.

Плевать на то, что у нас с ней в прошлом получилась не самая красивая история.

Моя интуиция и тут меня хорошенько напаялила.

От кого угодно я ждал.

Реально! От кого угодно!

Но Василиса...

Главное, я ведь уже почти подобрался к ней...

Взял на работу.

Спецом взял, чтобы рядом была. Чтобы всю ее жизнь отслеживать и контролировать. Плевать мне было, что не справится она с должностью.

А она – «хренак!» – справилась! Со всем справилась. Начиная от сложной документации, хитромудрого расписания, трудных проектов, заканчивая моим скверным характером.

С отцом ее я все решил. Помирился. Прощения просил. Объяснил все.

Он поверил, что я был не при делах, там выплыли новые люди, я не думал, что все так аукнется, но...

Виктор предупредил, что у Василисы на меня зуб.

Но я ж не знал, что все настолько запущено.

Я даже...

Пошел на приступ, блин.

Впервые за много лет пригласил девушку на свидание.

Ладони потели как у подростка при первой эрекции, которую спрятать не получилось.

Привез ее в свой любимый ресторан. Когда-то помог хозяину – Джеронимо – открыть его. Познакомились мы на Сицилии, Джеронимо был отличным поваром, но работал на мафию. Он помог мне, я ему.

Теперь у меня был свой уголок сицилийской кухни недалеко от офиса. Правда, я никогда не приходил туда на деловые обеды.

Это было мое, личное. Тайное.

То, что я не афишировал.

А Василису хотелось привести именно туда.

Мы провели прекрасный вечер. Хотя я видел, как она была напряжена в самом начале.

А потом...

Потом я как мудака все испортил. Поторопился. Так хотелось поцеловать ее.

Губы такие манящие, как лепестки диковинного цветка. Нежные. Настоящие.

Натуральные.

Почувствовал, как между нами стена прозрачная выросла. Ее испуга стена.

Но... она не меня боялась. Нет.

Она, скорее, испугалась себя. И тех чувств, которые я у нее начал вызывать.

Уже далеко не детских чувств.

Охренеть как я был рад, когда понял это.

«Еще немного подожди, Корсар, и она твоя, еще совсем немного!»

Мечтал, сам обалдевая от близости этого счастья, чуда.

Угу.

Что там говорят? Расскажи богам о своих планах.

Блядь.

Рассказал, видимо...

Привез ей из Шанхая подарков целый чемодан.

Мечтатель, хренов.

А она...

– Да, Антош, конечно, я смогу, обязательно, целую, милый...

Да... жеваный ж ты крот...

Я вышел из кабинета. Нашел в себе силы сказать ей, что у меня важная встреча.

И бухал три дня.

Нет, сначала я попытался узнать, что это за красивый гондон Антон к ней подвалил.

И он мне не понравился.

Не потому, что он клеил мою малышку, нет.

Я слышал про его отца. Про их фирму. Про их дела.

И прекрасно понимал, что, если я озвучу все, что узнал, Василисе, она мне просто не поверит! Решит, что я нарочно собрал компромат, потому что она меня «продинамила».

Идиот!

Надо было рассказать обо всем сразу!

И отцу ее тоже надо было все рассказать.

Но Виктор снова перенес инфаркт, он был болен.

А у меня намечался второй крупный контракт с Китаем, и американцы выкатили предложение.

Я просто с головой ушел в бизнес.

Нет.

Я просто тупо спрятал голову в песок, как страус. Подумал, что она сама поймет, что этот молодой гондон ей не нужен, старался быть внимательным. Не нагружал работой. Обращался ласково в надежде, что внимание обратит на то, что жесткий и требовательный руководитель превратился из льва в ягненка.

Хрена лысого!

Она вообще меня жестко игнорила.

Антоша был везде! Везде, сука!

А потом...

Потом я узнал, как у меня красиво увели и Китай, и Америку.

А эта...

Эта сучка малолетняя стояла передо мной и рассказывала, какое я чудовище, деньги отмываю. Подбородочек дрожал. Боялась.

Я ведь ее реально мог закрыть! Экономическое преступление, мать его етить... И повернуть это можно было так, что она не просто бы штрафы платила, а оказалась бы в местах не столь отдаленных. И у меня были нужные рычаги, на которые я мог надавить!

И села бы она! Не гондон этот ее, Антон, а именно она! Он-то с папашей его, сучары, типа не при делах... Девочку подставили. Красиво подставили.

Блядь...

Нет, сажать ее, конечно, не стал бы...

Но, по крайней мере, мог сделать так, чтобы она больше никогда, сука, никогда не смогла бы в столице найти работу приличнее посудомойки в придорожном кафе!

Она бы стала персоной нон-грата везде!

Рассказывал ей тогда об этом, а она...

Стояла, дурочка, в моем кабинете, такая гордая, пыталась показать, что сильная, что не боится!

Я ведь мог тогда ее...

Мог же.

И она все еще нетронутая была. Знал.

По запаху чуял, что нетронутая.

Целка-невидимка, мать твою...

Но...

Противно было. Насильником не был никогда.

И не хотел вот так. Силой.

Хотел, чтобы сама пришла.

А она выбрала этого утырка слащавого.

И сразу... сразу словно с нее все краски смыло. Стала прозрачной.

Смотрел на нее и прощался. Не с ней.

Со своим чувством. Понимая, что больше такого у меня никогда не будет.

Все, реально стал старый. Не по возрасту, что мне было там? Ей двадцать один на тот момент, мне тридцать три всего.

Старый для иллюзий. Иллюзий о чувствах, которые бывают у людей.

Любовью это называется.

Чистое, светлое, большое.

Блядь... Чистое, светлое, большое – это белый слон в ванной!

А любовь – это фейк.

Вернулся в тот день домой – пусто, холодно.

И чемодан стоит, который я для неё из Шанхая вез. Там платья шелковые, платки красивые, духи какие-то, сувениры, украшения. Было желание все это сжечь. Уничтожить.

Потом решил отдать все какой-нибудь шлюхе, пусть носит, радует меня.

Только не было в тот момент никого на примете, и я... Задвинул его подальше в гардеробную, чтобы как-нибудь потом вопрос этот решить, и забыл.

Нужно было восстанавливать доброе имя. Поднимать компанию, которая на грани была.

И о мести этой мелкой идиотке тоже уже не думал.

Все. Она никто. Закрыли тему.

Но... Все равно же я все о ней знал!

Реально сделал так, чтобы работу не нашла. А ей работа и не нужна была.

Вышла за гондона и тут же залетела.

Блядь.

Как же я ее ненавижу!

Просто...

Шандец.

И ее, и всех баб.

Вообще.

Подумывал даже, как наши звезды, найти мамашу суррогатную, чтобы родила мне парня. Воспитал бы сам.

Да уж.

Кто бы узнал, что Корсакова не просто в бизнесе нагнули.

Нет. Все.

И не узнает никто. Уверен был в этом.

Но снова получилось так – расскажи богам о своих планах, посмеетесь вместе.

Всплыло одно дельце. Серьезное. Очень серьезное.

Когда отец ее при смерти был, всплыло.

И понеслась...

И теперь мне надо было везти когда-то любимую женщину на освидетельствование и осмотр в клинику.

И думать о том, как быстро я могу оформить ее развод и жениться.

Только так, милая. Ты выживешь только так.

А эти поцелуи ее... были лишними.

Просто она не в себе. И я не в себе.

Утром все забудется.

Ага.

Хрен ты угадал, Корсар!

Глава 10

Ах, Саша, Саша!

Вношу ее в палату, кладу на кушетку, она тут же садится, испуганная, как дикая лань.

Знаю, что она давно не девочка, замужем, ребенок... как ей удастся при этом оставаться такой... невинной?

Что с ней там этот урод делает? Просто смотрит, что ли?

Нет, блядь, если бы просто смотрел, не было бы ребенка. А дочка у нее есть. Это я знаю.

Даже видел однажды.

Нет, я не гребанный сталкер. Не следил.

Почти.

Случайно увидел их, в парке гуляли. Мелкая – малявка совсем, на Васю похожа как две капли. Слава богу!

Попросил водителя Серегу тачку припарковать и смотрел на них. Она меня на заметила даже. Внимания не обратила, так была увлечена своей девочкой.

А у меня...

Сука, ком в горле и в сердце дыра размером с третье транспортное... Потому что подумал – моя могла бы быть эта крошка! Моя...

Я ведь... я ведь даже сперму уже в банк сдавал, потому что реал, когда узнал, что моя малышка замуж собралась, решил, что точно никакой жены, никогда, на хрен!

Да мне проще было слух пустить, что я нетрадиционный...

Твою ж мать.

А теперь все меняется.

Просто на сто восемьдесят.

Вся жизнь!

Потому что мне придется взять девчонку под свое крыло.

Иначе ей кранты.

Что, маленькая? Любви хотела? Меня старым посчитала, недостойным?

Нашла себе Антона-гондона?

Выгнать бы тебя, дуру в розовых очках...

Понимаю, что не выгоню. Нет.

Буду теперь разбираться с этим. Всю жизнь.

Или не всю?

Собственно... Решу сейчас ее проблемы. Разберусь с гондоном муженьком. А потом...
Потом пусть валит куда хочет.

Мне уже не надо.

Я после гондонов обьедки не подбираю.

Смотрю в ее глазищи перепуганные. Думала, что я ее раздевать буду.

Оно мне надо?

Даже если и надо...

Не сейчас и не здесь, не когда она в таком состоянии, после такого стресса.

Но объяснить этой дурочке политику партии я должен, хоть она и мало что соображает.

Пытаюсь говорит, но вижу – не «вдупляет» она от слова совсем.

Что ж делать-то? Как проще ей сказать?

Да хрен, сказать. Показать ей надо!

Чтобы нутром ощутила, чья она теперь игрушка! Чтобы знала!

Рывком тяну на себя, слышу слабенький вздох и накрываю ее рот.

Властно. Клеймя.

Пусть после этого попробует сказать, что не знает, чья она!

МОЯ!!!!

И все вот это моё!

Обнимаю, но тела ее не чувствую, просто держу, как куклу деревянную.

Мне сейчас не ласка ее нужна, не удовольствие получаю.

Права на нее заявляю!

Тавро выжигаю.

И все равно поцелуй сладкий. Потому что губы у нее шелковые, ягодные, как клубника, которую я до сих пор люблю, как маленький.

И ее до сих пор люблю.

Нет.

Нет, Корсар. Не любишь. Нельзя тебе любить. Давно бы уже понять пора – нет любви. А если есть – не для таких, как ты.

Для таких, как ты, бабло. Даже власть не так важна. Власть – эфемерна.

Бабло реально.

Любовь – фейк. Вызубрил ведь уже, как «Отче наш»...

И девчонку эту ты ненавидишь. Она предала и подставила.

Значит, и еще раз предаст и подставит.

Ты должен защитить и себя, и свое бабло от такой, как она.

Но пока...

Пока ее должен защитить, потому что ее защита тоже в какой-то степени – в большой – с баблом связана. С баблом, часть которого твоя и тебе причитается.

Так что...

Отстраняюсь. Вижу, что она плывет...

Дурочка. Знал ведь, что она будет такая, податливая, страстная, от прикосновения текущая... При этом смущающаяся, как девственница.

Что же с ней такое-то? Она вообще в себя придет? Или?

– Василиса? Ты как? Ты в порядке? Как ты себя чувствуешь?

Блядь, я же забыл совсем, что ее... Главное, меня это не волнует. Ну то есть ясно, что я в ярости от того, что её кто-то касался, что посмели ей больно сделать. Но мне как мужику вроде как должно быть противно, что в нее кто-то пихал свою грязь... а меня это не парит.

Она для меня все равно чистой бы осталась, несмотря ни на что. Мне главное, чтобы она «кукухой» не поехала после этого. А то сидит. Улыбается как блаженная.

Твою ж мать.

А если она на самом деле тронулась? Тогда что?

Весь мой план по одному месту пойдет?

Если справка будет, что она «невменько»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.